НОВАЯ АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. О. КНЯЗЬКИЙ

ИМПЕРАТОР ТРАЯН

Новая античная библиотека. Исследования

Игорь Князький

Император Траян

«Алетейя»

2016

УДК 94(37).07
ББК 63.3(0)32

Князький И. О.

Император Траян / И. О. Князький — «Алетейя», 2016 — (Новая античная библиотека. Исследования)

Новая монография доктора исторических наук, профессора Игоря Олеговича Князького посвящена жизни и деятельности одного из самых прославленных римских императоров – Марка Ульпия Траяна. Первый провинциал во главе Империи как никто другой из владык Рима заслужил прозвание «Optimus Princeps» (Наилучший Принцепс). Траяну в годы его правления удалось, казалось бы, невозможное, если вспомнить опыт его предшественников: соединить понятия «Принципат» и «Свобода». Он же стал последним римским императором, решившимся на большие завоевательные походы. На основе широкого круга источников и исследований автор анализирует жизненный путь Марка Ульпия Траяна, особенности его внутренней политики, войны с Дакией и поход на Парфию. Особо уделено внимание положению христиан в Римской империи в годы правления Траяна. Монография предназначена для широкого круга читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(37).07
ББК 63.3(0)32

© Князький И. О., 2016
© Алетейя, 2016

Содержание

Глава I. Юные годы в воинском стане 6
Глава II. Под «орлами» Флавиев 18
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Игорь Князький
Император Траян

© И. О. Князький, 2016
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

* * *

Светлой памяти Елены Васильевны ФЁДОРОВОЙ.

Глава I. Юные годы в воинском стане

18 сентября 805 г. от основания Рима (Ab urbe condita) или же 53 г. от Рождества Христова (Р.Х.) в городе Италика, расположенном в области Турдетания в провинции Дальняя Испания или Бетика Римской империи, родился мальчик Марк Ульпий Кринит Траян.[1] Ульпием он был назван по деду, Траяном по родоначальнику Трайю или по имени отца Траяна.[2] Отца звали Марк Ульпий Траян, мать носила имя Марции. В историю новорождённому суждено было войти полным тёзкой своего отца под именем Марка Ульпия Траяна. Род его был скорее древний, нежели знаменитый.[3] Знаменитым его начал делать отец мальчика, самому же ему предстояло сделать имя Траяна одним из самых славных во всей римской истории, поставив его на один уровень с великими Гаем Юлием Цезарем и Августом.

Само место рождения маленького Траяна, пусть и глубоко провинциальное, исторически было связано со знаменитейшими именами римской истории. Основал Италику в 206 г. до Р.Х. славный Публий Корнелий Сципион, расселив в ней ветеранов. Четыре года спустя Сципион станет именоваться Африканским, поскольку в битве при Заме разгромит непобедимого дотоле Ганнибала, величайшего из врагов Рима. Гай Юлий Цезарь даровал Италике статус муниципия, дававший городу право на внутреннее самоуправление. Можно полагать исторически справедливым, что в городе, основанном победителем Ганнибала и облагодетельствованном величайшим из римлян, появился на свет тот, кто стал наилучшим римским императором.

Впрочем, при рождении Траяна предположить столь блистательную его карьеру, венцом которой станут достижение высшей власти в Империи и великие свершения во главе Римской державы, не решился бы даже наисмелейший предсказатель. Провинциалу из далёкой Испании (Италика находилась близ современной Севильи) мечтать о высшей власти в то время пока не приходилось. Ведь таковая мыслилась как принадлежность большой семьи, сложившейся из двух родов и потому именуемой историками династией Юлиев – Клавдиев. В год, когда появился на свет Марк Ульпий Траян, у власти уже двенадцать лет находился правитель с пышным именем Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик или император Тиберий Клавдий, в историю вошедший просто под именем Клавдия. Власть в державе Римской обрёл он исключительно по семейным обстоятельствам. Ведь после убийства в 41 г. повреждённого умом императора Гая Цезаря Калигулы он, будучи дядей покойного, являлся законным претендентом от правящей семьи на высшую власть. Таковая досталась ему даже против его собственной воли. Потому Клавдия вполне можно шутки ради назвать «императором – подкидышем, или цезарем поневоле». Тем не менее, этот пятый по счёту цезарь во главе Рима – такой счёт, как известно, был установлен знаменитым историком Гаем Светонием Транквиллом[4] – обеспечил Империи, в целом, вполне благополучное правление. Не обладая сам особыми талантами к государственному управлению, что, правда, некоторыми историками оспаривается,[5] Клавдий передоверил дела группе весьма одарённых либертинов – вольноотпущенников, среди которых наиболее известны Каллист, Нарцисс, Паллант, Полибий, Посид. В результате государственная машина работала без сбоев. Восстанавливалась казна, сильно пострадавшая от безумств и нелепых трат Калигулы. Это случилось даже несмотря на замечательную склонность либертинов – управителей к казнокрадству. Заметно меньшими, сравнительно с предыдущим правлением, стали

[1] Евтропий. Краткая история от основания Города. VIII, 2. 1.

[2] Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. VIII, 1.

[3] Евтропий. Краткая история от основания Города. VIII, 2. 1.

[4] Светоний. Жизнь двенадцати цезарей.

[5] Егоров А. В. Рим на грани эпох. Л., 1985, с. 168.

политические репрессии, хотя 35 сенаторов и 300 всадников всё – таки лишились жизни по воле Клавдия ли, жён его, не лишённых кровожадности, тех же «великих либертинов».[6]

При Клавдии Римская империя вновь начинает серьезные завоевания. Как известно, Август в своём завещании решил положить предел завоевательным войнам. К этому его вынудили грандиозные восстания в Паннонии и Далмации в 6–9 гг., а также гибель трёх легионов в Тевтобургском лесу в Германии в 9 г., после чего земли между Альбисом (Эльбой) и Рейном, лишь недавно завоёванные усилиями блистательных военачальников – братьев Друза Старшего и Тиберия Клавдия Нерона, были навсегда Римом утрачены. Преемник Августа Тиберий, великий полководец, потому лучше всех знавший военное состояние и возможности Империи, от завоевательной политики решительно отказался. Гай Цезарь Калигула отличился лишь имитацией военной активности на берегах Ла – Манша и на рейнской границе, чего ни британские, ни германские варвары, пожалуй, и не заметили. При Клавдии же происходит заметное расширение Империи. В 42 году завершено завоевание Мавритании, где римские владения выходят на побережье Атлантики. В римские провинции обращены: в 43 г. малоазиатские области Ликия и Памфилия, и до этого, впрочем, во всём подвластные Риму, в 44-м – Иудейское царство, а в 46-м – царство Фракия. Важнейшим же завоеванием стало покорение римлянами при Клавдии южной части острова Британия. Поход туда в 43 г. возглавил сам император. Британия стала предпоследним значительным завоеванием римского оружия. Совершить последние завоевания судьба предназначила нашему герою.

Лишь год с небольшим Траян прожил при императоре Клавдии. 13 октября 54 года в полдень двери императорского дворца на холме Палатин в Риме широко распахнулись. Под охраной когорты воинов – преторианцев и в сопровождении их командира префекта претория Афрания Бурра появился юноша, носивший от рождения имя Луций Домиций Агенобарб, а в 50 г., после усыновления его Клавдием, ставший Тиберием Клавдием Нероном. Народу, собравшемуся на Палатинском холме, было торжественно объявлено, что сей молодой человек, не достигший ещё семнадцати лет, iuvenis (возрастной цикл римлянина от 14 до 21 года), отныне новый правитель империи вместо безвозвратно отошедшего в царство мёртвых Клавдия. С этого момента юноша уже император Нерон Клавдий Цезарь Август Германик. На годы правления этого человека и пришлось детство Траяна. Когда Нерон уйдёт из жизни, Марку Ульпию будет уже около пятнадцати – он завершит два возрастных римских цикла: infans – от рождения до 7 лет и puer – от 7 до 14 – ти.

Время правления Нерона останется глубоко в памяти нашего героя. Он будет вспоминать его и будучи владыкой Рима. Римский историк IV века Секст Аврелий Виктор приводит следующее свидетельство об оценке Траяном начальных лет неронова правления: «Домиций Нерон, сын Домиция Агенобарба и Агриппины, правил тринадцать лет. В течение первых пяти лет его правление было терпимо. Поэтому некоторые историки утверждают, что Траян часто говаривал, что всем принцепсам далеко до этого пятилетия Нерона».[7]

Едва ли такая оценка была вызвана сентиментальными воспоминаниями о детских годах. Её дал уже умудрённый жизнью немолодой человек, достигший высшей власти и исключительно умело ею пользовавшийся. Траян мог судить об этих годах правления Нерона не только и не столько по документам тех лет, рассказам историков, но, прежде всего, по свидетельствам своих старших современников, чьи впечатления, суждения, оценки он мог впитывать в свои детские, да и в более поздние годы. В итоге именно с лёгкой руки Марка Ульпия Траяна и утвердилось за начальными годами правления Нерона наименование «золотого пятилетия».

---

[6] Светоний. Божественный Клавдий. 29.

[7] Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. V, 1–3.

То, что Таян часто говаривал о «золотом пятилетии» Нерона, свидетельствует о глубоком знании им этого времени и отнюдь не эмоциональной его оценке. Что именно он мог почитать за лучшие образцы правления из того, что происходило в те годы?

Здесь должно обратиться к свидетельствам римских историков Тацита и Светония – людей, к Нерону решительно не расположенных, что придаёт их положительным оценкам его деяний дополнительную убедительность.

Вот, что писал Тацит о выступлении Нерона в сенате, где юный принцепс обнародовал программу своих действий: «…он наметил будущий образ правления, отмежёвываясь главным образом от того, что ещё вызывало озлобление: он не станет единоличным судьёй во всех судебных делах, …он не потерпит под своей кровлей никакой продажности, не допустит никакого искательства: его дом и государство будут решительно отделены друг от друга. Пусть сенат отправляет свои издревле установленные обязанности, пусть Италия и провинции римского народа обращаются по своим делам в трибуналы консулов; пусть консулы передают их в сенат; он же будет ведать лишь теми провинциями, которые управляются военной властью».[8]

Далее Тацит подтвердил, что Нерон «не нарушил своего обещания, и сенат действительно беспрепятственно вынес по собственному усмотрению немало решений: так он постановил, что никому не позволяется брать на себя защиту в суде за какое бы то ни было вознаграждение, будь то деньги или подарки».[9]

Светоний же пишет, что Нерон «не пропускал ни единого случая показать свою щедрость, милость и мягкость. Обременительные подати он или отменил, или умерил. Награды доносчикам по Папиеву закону он сократил вчетверо. Народу раздал по четыреста сестерциев на человека, сенаторам из знатнейших, но обедневших родов назначил ежегодное пособие, иным до пятисот тысяч, преторианские когорты на месяц освободил от платы за хлеб. Когда ему предложили на подпись указ о казни какого – то уголовного преступника, он воскликнул: «О, если бы я не умел писать!» Граждан всех сословий он приветствовал сразу и без напоминания. Когда сенат воздавал ему благодарность, он сказал: «Я ещё должен её заслужить». [10]

При таком вот правлении шли первые годы Марка Ульпия Траяна. Затем, увы, «золотое пятилетие» сменилось на девять лет, кои стоило бы назвать «железными». Начало им положило убийство по приказу Нерона его матери Агриппины. Римляне содрогнулись. Их история знала немало пролитий родной крови, но матереубийство примеров римских не имело. Их можно было найти в мире эллинистическом. Так царица Гераклеи Понтийской Амастрида была убита своими сыновьями Клеархом и Оксафром, последняя представительница семьи Филиппа II Македонского, сводная сестра Александра Великого Фесалоника стала жертвой своего сына Антипатра, наконец, совсем уже скверный для римлян пример: злейший их враг Митридат VI Евпатор повелел убить свою мать Лаодику.

После этого преступления правление Нерона резко поменялось к худшему. Безсудные расправы над неугодными скоро стали нормой, да и судебные приговоры по справедливости недалеко от них ушли… Последовал невиданный пожар Рима, в коем молва немедленно обвинила Нерона. Он же, дабы остановить опасные для себя слухи о поджоге столицы для собственной забавы, учинил бесчеловечнейшую расправу над христианами. Столь жестоки были казни последователей этой новой, ещё мало кому известной и понятной религии, что даже те римляне, которые христиан не жаловали, прониклись сочувствием к безвинным жертвам беззакония Нерона.

В такое вот время провёл свой второй семилетний жизненный цикл puer Траян. На них пришлось его воспитание, о каковом, увы, мы знаем совсем немного. Считается, что воспита-

[8] Тацит. Анналы. XIII, 4.

[9] Тацит. Анналы. XIII, 4.

[10] Светоний. Нерон. 10. 1, 2.

ние Марка было традиционным для человека из сенаторской верхушки.[11] В изучении риторики и других академических дисциплин он проявил средние способности. А вот в физических, воинских упражнениях, он заметно выделялся. С юных лет Траян полюбил охоту и сохранил эту страсть на всю жизнь.[12]

Конечно, едва ли можно полагать, что образование Траяна было на высоком уровне, да и где ему было взяться в провинции? Но уровень средний, способностям его соответствовавший, должно признать пристойным. Что до страсти к охоте и воинским упражнениям, то они чрезвычайно полезны как раз для будущего полководца. В этих увлечениях и трудах он был явно незауряден, что впоследствии и проявилось.

Военная подготовка римлян, их воинские упражнения времён юности Траяна описаны историком Иосифом Флавием, имевшим возможность оценить таковые и в качестве противника в начале Иудейской войны, и в качестве уже сторонника римлян в лагере Веспасиана и Тита. Вот его оценка военного строя римлян:

«Если же бросить взгляд на всё их военное устройство в целом, то нужно прийти к убеждению, что это обширное царство приобретено ими благодаря их способностям, а не получено как дар счастливой случайности. Ибо не только, когда война уже наступает, они начинают знакомиться с оружием, и не нужда лишь заставляет их поднимать руку для того, чтобы в мирное время снова её опускать, – нет, точно рождённые и выросшие с оружием, они никогда не перестают упражняться им, а не выжидают для этого каких – либо определённых случаев. Их упражнения отличаются тем же неподдельным жаром и серьёзностью, как действительные сражения: каждый день солдату приходится действовать со всем рвением, как на войне. Поэтому они с такой лёгкостью выигрывают битвы; ибо в их рядах никогда не происходит замешательства и ничто их не выводит из обычного боевого порядка; страх не лишает их присутствия духа, а чрезмерное напряжение не истощает сил. Верна поэтому их победа над теми, которые уступают им во всех этих преимуществах. Их упражнения можно по справедливости называть бескровными сражениями, а их сражения кровавыми упражнениями».[13]

Боевая подготовка римских легионеров включала в себя марши в походном порядке, а со времени военной реформы консула Гая Мария в конце II в. до Р.Х. бег на длинные дистанции в полном походном снаряжении.[14] Легионеры также учились маршировать в боевом порядке, участвуя в различных пехотных манёврах. Они учились способам нападения и защиты. Основные боевые построения включали в себя прямую линию, кривую линию (в зависимости от ландшафта), полумесяц. Построение в круг (orbis) допускалось в случае крайней опасности, когда противник окружал римлян со всех сторон. Особые построения применялись для отражения атак вражеской конницы: пехота образовывала клин или строилась в так называемый пустой квадрат. При штурмах вражеских крепостей, когда со стен в штурмующих летели стрелы, камни и иные метательные снаряды, применялась «testudo» – «черепаха». Тогда легионеры смыкали щиты над головами и по бокам, что давало защиту наступающим. Специальный манёвр обеспечивал защиту знамён легионов. Легионеров обучали умению собираться вокруг знамени своего или любого соседнего римского подразделения в случае необходимости.[15] При упражнениях с мечами воинов учили наносить колющие удары, для которых короткий обоюдоострый римский меч – gladius – подходил более всего. Крупнейший знаток и описа-

[11] Голдсуорти А. Во имя Рима. М., 2006, с. 415.

[12] Голдсуорти А. Во имя Рима. М., 2006, с. 415.

[13] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 5, 1.

[14] Плутарх. Гай Марий. XIII.

[15] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М., 2013, с. 35–36.

тель военного дела у римлян Вегеций подчёркивал: «Тренировка римского легионера с мечом предполагала многие часы упражнений у деревянного столба».[16]

Несомненно, что юный Траян добросовестно и с увлечением прошёл всю эту нелёгкую школу римского воина, отменно усвоив все её уроки. Когда же и где он приступил к своей военной службе?

Традиционный «призывной возраст» римлян ещё с далёкой раннереспубликанской поры определялся с 16 до 46 лет.[17] В описываемое нами время минимальный возраст был 17, средний же возраст рекрутов – легионеров был примерно 20 лет.[18] Знатные римляне, желавшие посвятить себя военному делу, начинали свою службу примерно в такие же годы. Так Тиберий отправился на свою первую войну в Кантабрию в 16 лет. Можно предположить, что службу свою в римской армии Траян начал на рубеже 60 – ых – 70 – ых гг. В это время его отец был легатом и командовал с 67 г. X Бурным (Fretensis) легионом.[19] Отсюда естественна мысль, что военная карьера сына началась в легионе, которым командовал отец, что именно там юный Траян постигал военную науку и принял первое участие в боевых действиях.[20] В какой же войне Марк Ульпий получил боевое крещение?

X Бурный легион легата Марка Ульпия Траяна старшего базировался в Сирии. Провинция эта соседствовала с Иудеей, где с 66 года полыхало всеобщее восстание против римского господства.[21] Толчком к нему стало возмутившее иудеев наместничество назначенного Нероном прокуратора провинции Гессия Флора. Это было одно из самых неудачных политических решений Рима.[22] С наместничеством Гессия Флора связал начало восстания в Иудее Публий Корнелий Тацит: «Иудеи терпеливо сносили всё, но, когда прокуратором сделался Гессий Флор, они подняли мятеж».[23] Да и неудивительно, что грек по происхождению, глубоко враждебный к иудеям Флор так бесславно завершил своё прокураторство. Он как бы специально провоцировал иудеев на возмущение. Мало того, что его вымогательство перешло все границы, Флор ещё и начал жестокие репрессии против тех, кто противился его произволу. «Флор высек многих людей, уважаемых в Иерусалиме, а затем их распял» – писал церковный историк Евсевий Памфил.[24] Светоний дал более сложную трактовку причин возмущения иудеев: «На Востоке распространено было давнее и твёрдое убеждение, что судьбой назначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром. События показали, что относилось это к римскому императору, но иудеи, приняв предсказанное на свой счёт, возмутились».[25] А вот, как объяснил причины Иудейской войны, начало которой было положено восстанием 66 г., человек, «сам воевавший против римлян и служивший невольным свидетелем всех позднейших событий» Иосиф Флавий:

«Римское государство изнемогало от внутренних неурядиц, когда началось это, как уже было замечено, в высшей степени знаменательное движение, Иудеи же, стремясь тогда к созданию нового положения вещей, воспользовались тогдашними беспорядками для восстания; они были так богаты боевыми силами и денежными средствами, что надеялись даже завладеть частью Востока, которую римляне вследствие многочисленных смут считали для себя чуть ли не потерянной. Иудеев, кроме того, окрыляла надежда, что их соплеменники из – за Евфрата

[16] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М., 2013, с. 35.

[17] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М., 2013, с. 20.

[18] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М., 2013, с. 20.

[19] Голдсуорти А. Во имя Рима, с. 414.

[20] Махлаюк А. В. Римские войны. Под знаком Марса. М., 2010, с. 376.

[21] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 343–344.

[22] Князький И. О. Нерон. М., 2013, с. 262.

[23] Тацит. История. V, 10.

[24] Евсевий Памфил. Церковная история. II, 26.

[25] Светоний. Божественный Веспасиан. 4.5.

примкнут массами к их восстанию; римляне же, напротив, были заняты усмирением соседних галлов, да и кельты заставляли беспокоиться. Наконец, после смерти Нерона, всё пришло в волнение; многие, пользуясь благоприятным случаем, пытались завладеть престолом; войско в то же время в надежде на добычу жаждало перемены в правлении».[26]

Начало войны для римлян оказалось весьма неудачным. Явно недооценив возможности повстанцев, пропретор Сирии Цестий Галл понадеялся подавить восстание силами одного лишь XII Молниеносного легиона, усиленного когортами IV Скифского, VI Железного и X Бурного легиона. Кроме того, пропретор рассчитывал на четыре когорты III Галльского легиона, уже сражавшегося в Иудее и потерявшего около полутора тысяч человек. Помощь римлянам прислали подвластные Риму цари Коммагены и Эмессы Антиох и Соэмий, составившую около 12 тысяч пехотинцев, всадников и лучников.

Цестию Галлу удалось поначалу добиться некоторых успехов. Он овладел Галилеей, областью к югу от Сирии и на севере Иудеи, а к ноябрю 66 года достиг стен Иерусалима. После пяти дней безуспешной осады столицы Иудеи он начал непонятное отступление.[27] Оно в итоге стало катастрофическим. Римляне потеряли 5680 человек, а орёл XII Молниеносного легиона попал в руки восставших. Сильнейший удар по престижу римлян!

Поражение столь удручило Цестия Галла, что вскоре он умер, и Нерон, находившийся тогда в Греции, назначил новым командующим 57 – летнего Тита Флавия Веспасиана.

Веспасиан до этого назначения проделал весьма причудливую карьеру. Человек, не знатного происхождения, но из семьи, добившейся немалых служебных успехов. Отец Веспасиана, будучи сборщиком налогов в провинции Азия, столь достойно проявил себя, что в ряде городов в его честь были поставлены статуи с надписью «Справедливому сборщику». Старший брат Веспасиана Сабин уже в молодости носил сенаторскую тогу. Его самого же на карьерный путь толкнула мать, «скорее бранью, нежели просьбами»,[28] опасаясь, как бы младший сын не остался напобегушках у страшего.

Веспасиан сначала послужил войсковым трибуном во Фракии, затем перешёл на гражданскую стезю. Не без трудностей получив должность эдила в Риме, он, исполняя таковую, обнаружил полную к ней неспособность. Улицы Рима, вверенные его попечению, что называется, заросли мусором и грязью. Гай Цезарь Калигула, обнаружив столь возмутительное нерадение эдила, весьма своеобразно его наказал: тогу Веспасиана велено было извалять в грязи, а за пазуху ему набить всякой мусорной дряни, дабы эдил – бездельник, что называется, шкурой своей ощутил результаты такого вот исполнения возложенных на него обязанностей.

Столь унизительное, но справедливое наказание карьеры Веспасиану не испортило. Думается, Гай Цезарь просто не относил его к числу людей, могущих стать для него опасными. Вскоре Веспасиан стал претором, а значит, вырос в ранге. На этой должности вопиющих упущений у него не было, а вот в холуйстве перед Калигулой он достиг больших успехов. Вот что писал об этом Светоний: «В бытность претором он не упускал ни одного случая угодить Гаю, который был тогда не в ладах с сенатом».[29] Веспасиан предложил устроить игры вне очереди в честь германской «победы» Гая.

На самом деле никакой победы не было, а была лишь бездарная имитация военного похода за Рейн. Когда в Галлии был изобличён заговор Лепида против Калигулы, то Веспасиан предложил оставить тела заговорщиков без погребения. Когда Гай Цезарь пригласил Веспасиана к обеду, тот произнёс перед сенатом благодарственную речь императору.

---

[26] Иосиф Флавий. Иудейская война. 1, 2.

[27] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 345.

[28] Светоний. Божественный Веспасиан. 2 (2).

[29] Светоний. Божественный Веспасиан. 2 (3).

Справедливости ради отметим, что в таком поведении Веспасиан вовсе не был одинок. Выдающийся администратор Луций Вителлий успешно управлял такой важной для Империи провинцией, как Сирия, эффективно обеспечивая безопасность восточных рубежей Римской державы.[30] Но он же отличался и «удивительным искусством льстить».[31] Первым Луций Вителлий стал почитать Калигулу как бога, при его же преемнике Клавдии выслуживался перед женой императора Мессалиной, унижался перед «великими либертинами» Нарциссом и Паллантом.[32]

Веспасиан, что называется, был из того же теста. При Клавдии он ухитрился остаться в фаворе, умело подольстившись к Нарциссу. При этом он не остался при императорском дворе на Палатине, но возглавил в качестве легата II Августов легион в Германии. Будучи переведён в Британию, он со своим славным легионом «участвовал в тридцати боях с неприятелем и покорил два сильных племени, более двадцати городов и смежный с Британией остров Вектис[33] (совр. о. Уайт). За это он был удостоен триумфальных отличий, получил два жреческих сана и, наконец, консульство. При Нероне, пока была жива Агриппина, не жаловавшая друзей покойного Нарцисса, Веспасиан был в тени. После гибели августы карьера его возобновилась. Получив в управление богатую провинцию Африка, он правил ею честно и достойно. Об этом свидетельствует то, что вернулся Веспасиан в Рим, ничуть не разбогатев. Нерон удостоил его высокой чести, включив в состав своей свиты во время поездки в Грецию. Там, однако, с Веспасианом приключился обиднейший конфуз. Он заснул во время пения Нерона. Император был разъярен столь возмутительным непочтением к своему «божественному голосу». Реакция могла быть непредсказуемой, суля самое суровое наказание. Положение спас один из гостей, сведший всё к комизму ситуации. Он напомнил, что Орфей своим пением тоже усыплял зверей. Обладавший развитым чувством юмора Нерон оценил своевременную шутку. Веспасиан был прощён, а вскоре и получил назначение на войну в Иудею, дабы более храпом своим не перебивал пения цезаря.

Прибыв на войну, 57 – летний Веспасиан самым энергичным образом взялся за дело. Ставку свою он расположил в Птолемаиде на юге Сирии. Сына своего и полного тёзку Тита Флавия Веспасиана он отправил за подкреплением в Египет, сам же сделал основой своего войска как раз X Бурный легион, возглавляемый Марком Ульпием Траяном – отцом. К X легиону добавились оставшиеся когорты III Галльского легиона, отряды царей Коммагены, Эмесы и Халкиды, вновь поддержавших римлян, а также две тысячи воинов царя Аравии (Набатейское царство) Малха. С прибытием V Македонского и XV Аполлонова легионов из Египта силы Веспасиана составляли 60 тысяч человек.[34]

В июне 67 года, завершив все приготовления, армия Веспасиана двинулась в поход. Тринадцатилетний Марк Ульпий Траян, находившийся при своём отце, легате X Бурного легиона, впервые воочию видел походный порядок римского войска. Вот описание этого походного порядка:

«Решившись, наконец, сам вторгнуться в Галилею, Веспасиан выступил из Птолемаиды и двинул своё войско в поход в принятом по римскому обычаю порядке. Лёгкие вспомогательные отряды и стрелков он выслал вперёд для отражения непредвиденных неприятельских нападений и осмотра подозрительных лесов, удобных для засад. За ними следовало отделение тяжело вооружённых римлян, состоявшее из пехоты и всадников, после чего шли по десять человек из каждой центурии, носившие как собственную поклажу, так и инструменты для отмерива-

[30] Егоров А. В. Рим на грани эпох, с. 215.

[31] Светоний. Вителлий. 2 (5).

[32] Светоний. Вителлий.

[33] Светоний. Божественный Веспасиан. 4 (1).

[34] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 346.

ния лагеря; за ними тянулись рабочие, которые должны были выравнивать извилистые и бугристые места по главной дороге и срубать мешающие кустарники, дабы войско не уставало от трудностей похода; позади них, под прикрытием сильного отряда всадников, подвигался обоз, состоявший из багажа начальствующих лиц. Затем следовал сам Веспасиан, сопровождаемый отборной пехотой, всадниками и броненосцами, вслед за ними ехали принадлежащие к легионам всадники, которых каждый легион имел 120; затем шли мулы, навьюченные осадными машинами и другим военным снаряжением; после появлялись легаты *(среди них и Марк Ульпий Траян с сыном – **И.К.**)*, начальники когорт с трибунами, окружённые отборным войском; за ними несли знамёна и посреди них орла, которого римляне имеют во главе каждого легиона. Как царь птиц и сильнейшая из них орёл служит им эмблемой господства и провозвестником победы над всяким врагом, против которого они выступают; за этими святынями войска шли трубачи, и тогда лишь двигалась главная масса войска тесными рядами, по шесть человек в каждом, сопровождаемая одним центурионом, который, по обыкновению, наблюдал за порядком. Обозы легионов вместе с вьючными животными, носившими багаж солдат, непосредственно примыкали к пехоте. Наконец, позади всех легионов шла толпа наёмников, за которыми для их безопасности следовал ещё арьергард, состоявший из пехоты, тяжеловооружённых воинов и массы всадников».[35]

Так описал начало движения армии Веспасиана на войну в Иудею «тридцатилетний Иосиф сын Маттафии, еврей из Иерусалима и из священнического рода, сам воевавший сначала против римлян и служивший невольным свидетелем всех позднейших событий».[36]

В описываемое время Иосиф возглавлял иудейские войска в Галилее, готовясь самым решительным образом дать отпор римлянам. Войско его, однако, «лишь только услышало, что римляне уже стоят у них за спиной и готовы драться, – не выждав столкновения с ними и даже не видя их ещё в глаза, немедленно рассеялось по всем сторонам».[37] Иосиф, по его собственным словам, «исполненный мучительных предчувствий насчёт исхода войны вообще»,[38] не имея сил для открытого сражения, бежал в область Тивериаду, где иудеи могли надеяться на стены крепостей и, прежде всего, Иотапаты, где укрылась большая часть войска, возглавляемого Иосифом.

Веспасиан меж тем легко овладел городом Габарой, покинутым иудейским войском. Дабы дать урок иудеям за прежние неудачи римлян при Цестии Галле, он крайне жестоко обошёлся с местным населением: «По вступлении в город он приказал убить всех юношей; римляне в своей ненависти к иудеям и из мести за жестокое обращение с Цестием не щадили людей любого возраста. После этого он приказал предать огню не только сам город, но и все селения в его окрестности; большинство из последних было покинуто своими обитателями, оставшиеся кое-где жители были проданы в рабство».[39]

Так вот шла Иудейская война, на которой сражался Марк Ульпий Траян – отец и которую впервые видел своими глазами ещё не достигший 14 – ти лет Марк Ульпий Траян – сын.

Тем временем Иосиф прибыл в хорошо укреплённый город Иотапату: «Иотапата почти вся расположена на отвесной скале, со всех сторон ниспадают столь глубокие пропасти, что, когда всматриваешься в эти бездны, глаз от утомления не проникает до глубины; только с северной стороны, где город спускается по склону горы, он бывает доступен; но и эту часть Иосиф окружил укреплениями для того, чтобы возвышающийся над ней горный хребет не мог быть занят неприятелем. Прикрытый со всех сторон другими горами город оставался совер-

[35] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 6, 2.

[36] Иосиф Флавий. Иудейская война. 1.

[37] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 6.3.

[38] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 6.3.

[39] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 7.1.

шенно невидимым до тех пор, пока не приходили в непосредственную близость к нему. Так была укреплена Иотапата».[40]

Не удивительно, что осада этого самой природой замечательно укреплённого города для римлян затянулась. На овладение Иотапатой Веспасиану пришлось затратить 47 дней.

В ходе этой почти семинедельной осады Веспасиан снарядил отдельную экспедицию против соседнего города Яфы. Его жители, ободрённые успешной обороной Иотапаты, также решили восстать против римлян. Поход на Яфу Веспасиан поручил возглавить легату X Бурного легиона Марку Ульпию Траяну. Тот выступил в поход во главе тысячи всадников и двух тысяч пехотинцев. Взял ли он в эту экспедицию сына – нам неведомо. Потому не стоит гадать, был ли юный Марк Ульпий свидетелем самостоятельных военных действий своего отца. Траян Старший, прибыв к стенам Яфы, нашёл город отменно укреплённым. Подобно Иотапате, он был защищён и самой природой, каковую дополнял двойной ряд крепостных стен. Прямой штурм Яфы показался римскому военачальнику делом проблематичным, но здесь сами иудеи сыграли на руку римлянам. Явно переоценив свои силы и, соответственно, недооценив врага, защитники Яфы пренебрегли природными и рукотворными укреплениями своего города, решившись дать римлянам полевое сражение. Траян, обнаружив боевые порядки яфанцев, немедленно вступил с ними в бой. Превосходство римского оружия обнаружилось очень быстро. Иудеи смогли оказать лишь короткое сопротивление. Более того, обратившись с бегство и устремившись за первую стену, защитники Яфы позволили на своих плечах римлянам ворваться вслед за ними в укрепление. Тогда оборонявшие вторую стену немедленно заперли ворота, дабы то же самое не повторилось, и римляне не ворвались в город на плечах бегущих. Таким образом, множество яфанцев оказалось в ловушке. Брошенные на произвол судьбы своими согражданами все оказавшиеся в пространстве между двумя рядами укреплений были безжалостно перебиты римлянами. Всего пало не менее двенадцати тысяч иудеев.

Траян, сделав вывод о неспособности после таких потерь уцелевшей части гарнизона Яфы к серьёзному сопротивлению, не стал, однако, добивать врага. Честь окончательной победы и взятия Яфы он решил великодушно преподнести сыну Веспасиана Титу. Прибывшие к главнокомандующему посланцы легата Бурного легиона передали ему просьбу прислать под стены Яфы своего сына Тита, дабы именно он довершил победу. Блес тящий ход Марка Ульпия Траяна! Веспасиан не мог не оценить его. С этого времени его доверие к славному легату, конечно же, выросло. И немало.

В то же время умудрённый десятками сражений многоопытный полководец Веспасиан предпочёл скорее переоценить способность врага к сопротивлению, нежели опрометчиво его недооценить. Тит прибыл в стан Траяна с тысячей пехотинцев и пятьюстами всадниками. Приняв командование и построив войско в боевой порядок, Тит поручил Траяну левое крыло, сам же, возглавив правое, начал штурм Яфы. Легионеры быстро со всех сторон приставили к стенам лестницы и устремились вперёд. Осаждённые сумели оказать только слабое сопротивление, после чего сражение переместилось на улицы города. Здесь оно приняло неожиданно крайне ожесточённый характер. Всё мужское население ринулось навстречу римлянам, завязав бои на тесных улицах, а женщины Яфы из домов бросали всё, что попадалось им в руки, на головы римлян. Сопротивление длилось пять часов. Разъярившись от такого упорства уже обречённых яфанцев, римляне безжалостно перебили всё мужское население города, пощадив только малых детей и женщин. Их обратили в рабов. Иосиф Флавий сообщает о пятнадцати тысячах убитых в Яфе и двух тысячах ста тридцати пленниках.[41]

---

[40] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 7.7.

[41] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 7.31.

Победа, подаренная Траяном Титу не могла не поспособствовать его будущей карьере, хотя в тот момент, угождая главнокомандующему, Марк Ульпий и предполагать не мог, что он завоёвывает расположение сразу двух будущих цезарей.

Кстати, когда Иотапата пала и Иосиф оказался в римском плену, то, по его словам, он – то и предрёк Веспасиану скорое владычество над Римом. Когда пленённый иудейский полководец предстал перед Веспасианом, при котором был его сын Тит и ещё двое друзей, то он обратился к победителю со следующими словами: «Ты думаешь, Веспасиан, что во мне ты приобрёл только лишь военнопленника; но я пришёл к тебе как провозвестник важнейших событий. Если бы я не был послан Богом, то я бы уже знал, чего требует от меня закон иудеев и какая смерть подобает полководцам. Ты хочешь послать меня к Нерону? Зачем? Разве долго ещё его приемники удержатся на престоле до тебя? Нет, ты, Веспасиан, будешь царём и властителем, – ты и вот этот, твой сын! Прикажи теперь ещё крепче заковать меня и охранять меня для тебя; потому что ты, Цезарь, будешь не только моим повелителем, но и властителем над землёй и морем и всем родом человеческим. Я же прошу только об усилении надзора за мной, дабы ты мог казнить меня, если окажется, что я попусту говорил именем Бога».[42]

Любопытно, что сходные сведения о данном предсказании приводят и иные римские авторы. Светоний писал в биографии Веспасиана: «В Иудее он *(Веспасиан – **И.К.**)* обратился к оракулу бога Кармела, и ответы его обнадёжили, что все его желания и замыслы сбудутся, даже самые смелые. А один из знатных пленников, Иосиф, когда его заковывали в цепи, с твёрдой уверенностью объявил, что вскоре его освободит тот же человек, но уже император».[43] Дион Кассий, перечисляя знамения, сулившие Веспасиану высшую власть над Империей, приводит следующее: «… иудей Иосиф, ранее захваченный Веспасианом и заключённый в оковы, прямо сказал, засмеявшись: «Сейчас ты будешь держать меня в оковах, а через год освободишь, став императором!»[44] Историк начала V века Орозий, автор «Истории против язычников», также приводит постоянно твердимые Иосифом слова о том, что он будет вскоре освобождён тем же человеком, который его пленил, но уже императором. При этом он ссылается на Светония.[45] Тацит в своей «Истории» приводит проро чество о том, что «что из Иудеи должны были выйти люди, предназначенные господствовать над миром. Это туманное предсказание относилось к Веспасиану и Титу».[46] Иосиф, сын Маттафии, будущий Иосиф Флавий, здесь как первоисточник пророчества не фигурирует.

Предсказание Иосифа, записанное им самим уже по время действительного правления Веспасиана, напоминает так называемые «Сибиллинские пророчества» – собрание иудейских и иудео – христианских пророчеств, в которых уже свершившееся упоминается в будущем времени. Вот яркий пример такового, как раз к Нерону и Веспасиану относящегося, именуемого «Четвёртое иудейское пророчество времён Флавиев». В нём говорится: «И тогда из Италии, как беглец, прибежит великий царь, который однажды решится на кровавое убийство матери и многих других, ведомый злым роком. За трон Рима многие оросят кровью землю, после того, как он убежит в парфянскую страну. Но в Сирию придёт римский правитель, который подожжёт иерусалимский храм, а с им придёт много человекоубийц, великая страна иудеев погибнет».

Здесь в виде пророчества в крайне причудливой форме, что соответствует жанру, говорится о уже происшедших ко времени Флавиев событиях: матереубийстве Нерона, граждан-

[42] Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 8.9.

[43] Светоний. Божественный Веспасиан.5 (6).

[44] Дион Кассий. Римская история. LXIV, 1 (4).

[45] Орозий. История против язычников. VII, 9, 3.

[46] Тацит. История. V, 13.

ской войне в Риме, сожжении храма в Иерусалиме при взятии этого города Титом, сыном Веспасиана. Сам Нерон отождествлён с Лже – Нероном, объявившемся в Парфии.[47]

Реально, думается, о возможном насильственном прекращении правлении Нерона Веспасиан узнал из полученного им письма наместника Испании Луция Сульпиция Гальбы. Тот, удачно перехвативший приказ Нерона о своей казни, решился на восстание и по всем провинциям разослал эдикты, «призывая всех и каждого присоединяться к нему, и, кто как может, помогать общему делу».[48]

Осторожный Веспасиан на прямую поддержку Гальбы не решился, но и верность Нерону отнюдь не прокламировал. На всякий случай он просто прекратил наступление, оставив Иерусалим – главную твердыню мятежной Иудеи – в руках восставших.

X Бурный легион отца Траяна к этому времени добился немалых успехов. В мае 68 г. он прошёл по берегу Иордана и захватил один из важнейших опорных пунктов мятежников – город Иерихон. Римлянам не пришлось трубить в трубы и трижды обходить стены Иерихона, дабы они пали, как перед воинами ветхозаветного Иисуса Навина. Большая часть жителей Иерихона, не дожидаясь появления римских войск, бежала в близлежащие горы. Оставшихся римляне перебили, и древний город опустел.[49] Легион Марка Ульпия Траяна расположился в Иерихоне лагерем, ожидая дальнейших распоряжений Веспасиана, с каковыми главнокомандующий не спешил.

Любопытно, что в ходе предшествующей кампании Траян и Тит ещё раз взаимодействовали по распоряжению Веспасиана. Во время сражения римлян с иудеями близ города Тарихеи у Генисаретского озера к войску Тита примкнул Траян. С ним были 400 всадников. Легионеры сына главнокомандующего, вспомнив взятие Яфы, решили, что происходит обмен любезностями, и Траян хочет отнять у них часть победы.[50] Разумеется, Марк Ульпий и его всадники на отнятие у Тита части победных лавров покушаться не могли, и не стали.

Тем временем, пока в Иудее война затихла, полем битвы стали Италия и самый Рим. Веспасиан, трезво оценивая происходящее, на всякий случай послал к Гальбе своего сына Тита в знак почтения и преданности.[51] Очевидно, он ещё не предполагал собственного участия в борьбе за высшую власть. Надо помнить, что Гальба выглядел вполне законным претендентом на власть в рамках династии Юлиев – Клавдиев. Он ведь был усыновлён Ливией, матерью Тиберия. Тогда он и переменил имя Сервий на Луций. Светоний сообщает, что Август, когда Гальба мальчиком его приветствовал, ущипнул его за щёчку и сказал: «И ты, малютка, отведаешь моей власти».[52] Но именно Гальба и объявил во всеуслышание, что время династии Юлиев – Клавдиев закончилось.

Надеясь укрепить своё только что обретённое властное положение, 72 – летний Гальба решил сразу назначить себе преемника. Выбор его пал на Луция Кальпурния Пизона Фругу Лициниана. В этом человеке текла кровь обоих соратников божественного Юлия по Триумвирату: по отцу Марка Лициния Красса, по матери Гнея Помпея Магна. Но ни к Юлиям, ни к Клавдиям он отношения не имел. Представляя его в качестве будущего принцепса, Гальба сначала сослался на пример Августа, но тут же подчеркнул принципиальное различие: «Однако если Август искал преемников в пределах своей семьи, то я ищу их в пределах всего государства, и не потому, что у меня нет родных или боевых товарищей».[53] Далее Гальба, по сути, про-

---

[47] Князький И. О. Нерон, с. 265–266; все пророчества, касающиеся Веспасиана, исследованы в статье: Lattimore R. Portentsand Prophcies in Connection with the Emperor Vespasian. – Classical Journal. 1934. Vol.29. Pp. 441–449.

[48] Светоний. Гальба. 10 (3).

[49] Иосиф Флавий. Иудейская война. IV, 8, 2.

[50] Иосиф Флавий. Иудейская война. IV, 10, 3.

[51] Тацит. История. I, 10.

[52] Светоний. Гальба. 4 (1).

[53] Тацит. История. I, 16.

возгласил установление в Империи нового принципа передачи верховной власти: «При Тиберии, при Гае и при Клавдии мы представляли собой как бы наследственное достояние одной семьи. Теперь, когда правление Юлиев и Клавдиев кончилось, глава государства будет усыновлять наиболее достойного».[54]

Гальбе не суждено было долгое правление. Он погиб на седьмом месяце своего принципата, уведя с собой в могилу и несчастного Пизона, несостоявшегося преемника. Но принцип передачи верховной власти, им провозглашённый, естественным образом устоялся. Он соответствовал новым политическим реалиям Империи. Помимо того, что «разглашённой оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме»,[55] оказалось, что власть доступна любому, кто сочтёт себя таковой достойным.

Новый принцип обретения власти в Империи откроет к ней дорогу не только Веспасиану, которому так предан Марк Ульпий Траян Старший, но, со временем, и его пятнадцатилетнему сыну, даже не догадывающемуся, что текущие бурные события в Римской державе имеют и к нему самое прямое отношение, открывая врата великих возможностей.

[54] Тацит. История. I, 16.

[55] Тацит. История. I, 4.

Глава II. Под «орлами» Флавиев

Тит, отправленный Веспасианом приветствовать в Риме нового цезаря Гальбу, в миссии своей не преуспел. В конце января 69 г., добравшись только до Коринфа в Греции, он узнал о гибели старика – императора и о переходе высшей власти к Отону. Такое известие побудило его к возвращению в стан отца. Вскоре становится известным на Востоке и поражение Отона в борьбе за власть с Вителлием. На сей раз Веспасиан решает присягнуть очередному цезарю. В эти дни, по меткому наблюдению Диона Кассия, «Так как Веспасиан вообще не был склонен к опрометчивости в поступках, он долго не решался сам вмешаться в столь запутанные события».[56] В столь сложной ситуации «Веспасиан между тем ещё и ещё раз взвешивал, насколько он готов к войне, насколько сильны его армии, подсчитывал, на какие войска в провинциях он может опереться».[57] Это уже свидетельство Тацита.

Хорошим знаком для Веспасиана стало поведение легионеров во время присяги Вителлию, которую он провёл, первым произнеся её слова. «Солдаты слушали его молча, и было ясно, что они готовы восстать немедленно».[58]

«Тем не менее, – писал Светоний, – он ничего не предпринимал, пока неожиданно не поддержали его люди неизвестные и далёкие».[59]

Поддержка эта оказалась весомой и, главное, решительной. Первым привёл легионы к присяге Веспасиану наместник Египта Тиберий Александр. Это случилось 1 июля 69 г., и в дальнейшем этот день и стал отмечаться как первый день правления Веспасиана. 3 (по другим сведениям 11) июля в Кесарии «воины окружили палатку Веспасиана и приветствовали его как императора».[60] Все три подчинённые ему легиона, ведшие войну в Иудее, единодушно присягнули своему полководцу как новому владыке Рима. 15 июля Веспасиану присягнул с четырьмя легионами наместник Сирии Лициний Муциан. Он правил провинцией, много более значимой, нежели мятежная Иудея, и имел в своём подчинении на легион больше, нежели Веспасиан. Однако, на соперничество не решился, зная уже, очевидно, о растущей популярности Веспасиана в разных провинциях Империи.

«С неимоверной быстротой весть о новом императоре разнеслась на Востоке. Каждый город устраивал празднества с жертвоприношениями по случаю полученной доброй вести и в честь нового императора. Легионы в Мёзии и Паннонии, которые незадолго до того восстали против дерзкого Вителлия, теперь с большей радостью принесли присягу своему императору. Сам Веспасиан выступил из Кесарии инаправился в Берит, где со всей Сирии и других провинций ожидали его многие посольства, вручившие ему от всех городов венки и приветственные адресы».[61]

Если поддержка Египта и Сирии делала опорой Веспасиана в борьбе за власть весь римский Восток, то поддержка легионов на Нижнем Дунае в Мёзии и на Среднем Дунае в Паннонии отдавала под его власть Балканы, открывая дорогу в Италию.

Поддержка, что и говорить, широчайшая! Светоний сообщает даже о предложении царём Парфии Вологёзом сорока тысяч стрелков Веспасиану для успешной борьбы за власть в Империи.[62]

---

[56] Дион Кассий. Римская история. LXIV, 8 (3).

[57] Тацит. История. II, 74.

[58] Тацит. История. II, 74.

[59] Светоний. Божественный Веспасиан. 6 (1).

[60] Дион Кассий. Римская история. LXIV, 8 (4).

[61] Иосиф Флавий. Иудейская война. IV, 10, 6.

[62] Светоний. Божественный Веспасиан. 6 (4).

Возобновившуюся гражданскую войну легионы, присягнувшие Веспасиану, выиграли и 21 декабря 69 г. Веспасиан был провозлашён сенатом императором, а Тит и Домициан были названы Цезарями».[63] На следующий день сенат принял ещё одно важнейшее постановление, получившее название «Lex de imperio Vespasiani» – «Закон о власти Веспасиана». Этим правовым актом новому владыке Римской империи официально передавались все те властные права, которыми обладали ранее правившие принцепсы: Август, Тиберий и Клавдий. Такой подбор принцепсов – предшественников не случаен. Веспасиан тем самым подчёркивал, что он отвергает властный опыт цезарей – тиранов – Гая Калигулы и Нерона, не говоря уже о случайных и кратковременных императорах – Гальбе, Отоне и о Вителлии, побеждёном его славными легионами. За основу был взят опыт правителей, безусловно, успешных, пусть и не все их действия, прежде всего Тиберия и, в известной мере, Клавдия, сенаторами вспоминались добром.

Оценивая этот закон, можно, в целом, согласиться с мнением Карла Криста, что он стал чётко сформулированным выражением полного правового завершения институализации принципата как формы правления.[64] Правления юридически монархического, без всяких остатков республиканского флёра. Процесс, в правовом отношении начавшийся с 27 г. до Р.Х., окончательно завершился в конце 69 г.

Завершавший свой седьмой десяток Веспасиан явно возжелал основать новую династию. Тита он сделал своим соправителем. Тот ежегодно получал консульство, получил также трибунскую власть. В 71 г. Веспасиан назначил Тита префектом претория, дабы строго держать в подчинении небезопасные для императорской власти преторианские когорты.

Младший сын Веспасиана Домициан, наряду с Титом получивший имя Цезаря (сам Веспасиан стал Августом), сразу после захвата Рима легионами Лициния Муциана повёл себя в столице подобно самовластному правителю, за что удостоился от отца весьма ядовитого послания: «Спасибо тебе, сынок, за то, что ты позволяешь мне находиться у власти и до сих пор не сверг меня».[65]

В то же время опалы Домициан не испытал. Веспасиан совсем не возражал, чтобы власть в Империи стала семейным делом Флавиев. Казалось, слова Гальбы, что более власть в Риме не будет принадлежать одной семье, и преемника д*о*лжно избирать по личным, а отнюдь не фамильным достоинствам, канули в Лету. Но финал Флавиев и дальнейшие события показали их историческую правоту. Доказательством этого как раз и стала судьба нашего героя.

Мы помним, как удачно отец Траяна и польстил Веспасиану, и сделал подарок Титу. Очевидно, ставка его на Флавиев была серьёзной. Потому, когда началась война с Вителлием, Марк Ульпий Траян безоговорочно и решительно поддержал императорские амбиции Веспасиана. Поступок сей, естественно, был оценён. Насколько нам известно, личного участия в гражданской войне Траян не принимал. Он оставался в Иудее, где вскоре возобновилась война. Вернувшийся к армии Тит возглавил осаду Иерусалима, в боях за который славный X Бурный легион, возглавляемый Траяном – отцом, и в составе которого именно в этой кампании Марк Ульпий Траян – сын, как полагают, приобрёл первый опыт личного участия в боевых действиях, достаточно себя проявил.

Когда после четырёхмесячных боёв Иерусалим пал, то X легиону было приказано оставаться в этом городе в качестве гарнизона и построить себе лагерь среди его руин.[66] Среди легионеров пошли слухи, оказавшиеся верными, что во время осады иудеи, дабы их богатства не достались ненавистным римлянам, а, может, и в надежде когда-нибудь их снова обрести, зарыли множество кладов. И вот, в начале 71 г. Тит, проезжая мимо развалин столицы

[63] Дион Кассий. Римская история. LXVI, 1 (1).

[64] Крист Карл. История времён римских императоров. Т. 1, Ростов – на – Дону, 1997, с. 340.

[65] Дион Кассий. Римская история. LXVI, 2 (3).

[66] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с.385.

Иудеи, увидел, как легионеры Бурного легиона с энтузиазмом выкапывают клады, закопанные во время осады.[67]

К этому времени X легион уже получил сразу после падения Иерусалима нового предводителя Луцилия Басса. Под его командованием войско овладело горной крепостью Махер. И, наконец, завершил Иудейскую войну X Бурный легион взятием последней иудейской твердыни Масады. Тогда им командовал уже Флавий Сильва.

Едва ли Траян – отец скорбел, что не он был легатом доблестного X Бурного в этих последних боях. Ведь в 70 г. он был удостоен Веспасианом должности консула и стал наместником провинции Каппадокии на востоке Малой Азии. Это была достойная награда за преданность. Более того, когда Веспасиан и Тит в 73–74 гг. провели цензуру, пополнив ряды патрициев многими из своих сторонников, как италиками, так и провинциалами из западных провинций Империи, то Траян оказался в их числе. Тогда же, кстати, в число патрициев попал Юлий Агрикола, будущий тесть Публия Корнелия Тацита, прославленный им.[68]

Для потомка колониста – ветерана, чьи предки вышли из города Тудера в Умбрии, области в центре Италии по верхнему течению Тибра, это были немалые достижения. В то же время едва ли можно считать такие успехи случайными. Траяна дóлжно отнести к типичным представителям колонистских семей, выходцев из Италии, добившихся успехов в провинции и не только на провинциальном уровне.[69] Этих людей знаменитый британский антиковед сэр Рональд Сайм называл элитой колоний, полагая его общественной группой необычайной пробивной силы, оказывавшей растущее влияние на дела Империи.[70] Переход Траяна – отца из элиты провинциальной в элиту имперскую – а как иначе оценивать должность консула, звание патриция и наместничество в Каппадокии, а с 74 г. в Сирии – создавал новые возможности и для Траяна – сына.

Марк Ульпий Траян – младший, получивший первый боевой опыт в Иудейской войне, посвятил себя военной службе, к каковой, как мы помним, он испытывал расположение с юных лет. Он служил теперь в Сирии, где отец его был наместником. Известно, что с 75 г. Траян – сын стал трибуном – латиклавием.

Tribunus laticlavus – трибун с широкой красной патрицианской полоской на одежде был вторым по старшинству командиром в легионе. Эти военачальники носили богато украшенные шлемы, литые доспехи и белые плащи. Их вооружением был меч, который носили на левом бедре.[71]

Трибуны – латиклавии были утверждены императором Клавдием.[72] Чтобы достигнуть такой должности, надо было сначала командовать когортой, потом кавалерийской алой и лишь затем перейти на уровень командования легионом.[73] Многие трибуны – латиклавии руководили легионами и во время службы на местах, и во время маршей и сражений.[74] Должность эта открывала прямой путь к званию сенатора, к должности легата.

Известно, правда, что у некоторых трибунов – латиклавиев была дурная слава за халатное отношение к своим обязанностям.[75] К Марию Ульпию Траяну это никак нельзя было отнести. Вот как писал о Траяне его современник, друг и почитатель Плиний Цецилий Секунд, вошед-

---

[67] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с.385.

[68] Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы.

[69] Крист Карл. История времён римских императоров. Т. 1, с. 388.

[70] Крист Карл. История времён римских императоров. Т. 1, с. 388.

[71] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 45.

[72] Светоний. Божественный Клавдий. 25 (1).

[73] Светоний. Божественный Клавдий. 25 (1).

[74] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 45.

[75] Голдсуорти А. Во имя Рима, с. 415.

ший в историю как Плиний Младший, в отличие от своего дяди, автора знаменитой «Естественной истории» Плиния Старшего:

«В должности [военного] трибуна ты ещё в юных годах, но уже с отвагой зрелого мужа, побывал в отдалённейших и столь различных между собой странах, и уже в то время судьба наставляла тебя долго и основательно учиться тому, чему ты в скором времени должен был сам учить других. Не довольствуясь тем, что ты изучил лагерную жизнь и как бы прошёл в короткое время всю службу, ты так провёл свою должность трибуна, что сразу мог бы быть вождём, и нечему было тебе уже учиться в то время, когда ты начал учить других. За десять лет службы ты узнал разные обычаи племён, расположение областей, выгодные условия местностей, и различие вод и климата ты научился переносить так же, как ты привык переносить перемену воды и климата на своей родине. Сколько раз менял ты коней, сколько раз отслужившее тебе оружие…

…Нет для тебя других развлечений, как исследовать лесные дебри, выбивать диких зверей из берлог, переходить через высочайшие горные хребты, подниматься на успрашающие своей высотой утёсы, и притом не пользуясь для помощи ничьей рукой, ничьими следами, и между этими занятиями благочестиво посещать священные рощи, вступать в общение с божеством».[76]

К достоинствам Траяна относилась и неприхотливость в походной жизни. К примеру, он мог обходиться самой простой пищей воина – салом, творогом и напитком, который назывался поска – смесь воды, уксуса и взбитых яиц.

Конечно же, панегирик – жанр, совершенно не предназначенный для объективной оценки того, кому он посвящён. Но, зная дальнейшие военные достижения Марка Ульпия Траяна, мы вправе полагать, что он на самом деле наидобросовестнейшим образом относился к обязанностям военного трибуна – латиклавия. Этим он и обеспечил себе поступательное развитие своей карьеры.

Здесь нельзя забывать, что служба молодого Траяна проходила в совсем не простых условиях. Первый свой опыт он приобрёл, сражаясь в X Бурном легионе под началом отца. Надо помнить, что служба в этом славном легионе была особой честью. Ведь он был любимым легионом самого Гая Юлия Цезаря. На знаменитом военном совете перед битвой с полчищами германского вождя Ариовиста Цезарь заявил, что «если за ним вообще никто не пойдёт, то он выступит хотя бы с одним X-м легионом: в нём он уверен, и это будет его преторской когортой. Надо сказать, что этому легиону Цезарь всегда давал особые льготы и, благодаря его храбрости, очень на него полагался».[77] Дело в том, что полчища германцев так смущали многих римлян, что «некоторые даже заявили Цезарю, что солдаты не послушаются его приказа сняться с лагеря и двинуться на врага и из страха не двинутся».[78]

В дальнейшем X легион всегда служил Цезарю на правом фланге, на самых опасных местах, и с его помощью Цезарь и добивался своих самых замечательных побед.[79]

Для отца и сына Траянов особое значение имело то обстоятельство, что изначально X легион был набран в их родной провинции Дальняя Испания. Возможно, Траян – отец не без грусти передал командование Бурным легионом новому легату, но наместничество в провинции являлось несомненным повышением для него самого, и, нетрудно предположить, было благом для будущей карьеры сына. Переход из Каппадокии в Сирию ещё более укрепил позиции Траянов. Обширная богатейшая провинция, густонаселённая, где находились такие знаменитые города как Дамаск, Алеппо, Антиохия, имела исключительное значение для Империи.

---

[76] Плиний Младший. Панегирик императору Траяну. 15; 81.

[77] Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. I, 40.

[78] Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. I, 39.

[79] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 167.

Она ведь по Ефрату граничила с могучим Парфянским царством – единственной державой, в противостоянии с которой Рим до сих пор никак не мог добиться сколь-нибудь значимых успехов. Не случайно в Сирии стояли четыре легиона, столько же, сколько и в самых опасных провинциях по рейнской границе – Верхней и Нижней Германиях. Во время недавней гражданской войны, приведшей к власти Флавиев, сирийские легионы во главе с наместником этой провинции Лицинием Муцианом сыграли выдающуюся роль. Так что Марк Ульпий Траян – отец вправе был полагать свое назначение в Сирию вкупе с внесением его имени в патрицианские списки знаком особого доверия десятого цезаря Веспасиана.

Доверие новый наместник оправдал. Когда на сирийских рубежах возникли очередные обострения, Траян – отец их быстро и умело уладил. За эти, несомненно, важные заслуги он был удостоен Веспасианом триумфальных почестей. К сожалению, нам неизвестно, уладил ли наместник Сирии дела с парфянами чисто дипломатическим путём, была ли предпринята военная демонстрация, подобно той, которую в 20 г. до Р.Х. при Августе блистательно провёл молодой Тиберий, или же дело дошло до прямых военных столкновений.[80] Но весьма высокая награда говорит о сложной ситуации во взаимоотношениях с грозным соседом, успешно разрешённой к чести Рима Марком Ульпием Траяном – отцом.

В какой степени эти события касались Марка Ульпия Траяна – сына – нам совершенно неизвестно. Можно, конечно, предполагать, что, если и были тогда какие – то военные столкновения, то молодой трибун – латиклавий принял в них участие. Тогда боевой опыт его молодости пополнился помимо Иудейской войны также и сражениями с парфянами.[81] Но всё это только предположения, источниковой основы лишённые.

Скудость источников о молодых годах Траяна не позволяет подробно рассказать о его жизни в период правления трёх цезарей из династии Флавиев. Нам лишь известно, что после десятилетней службы военным трибуном Траян некоторое время пребывал на гражданских должностях. На этой стезе он, похоже, особо не отличился. Безусловно, употребляя римскую терминологию, любезную некогда славному Марку Туллию Цицерону, Траян был «человеком меча», но не «человеком тоги».[82] Потому естественным выглядит его возвращение в армию в конце восьмидесятых годов. В 89 г. Марк Ульпий Траян на высокой военной должности. Он легат VII легиона «Близнецы» (Legio VII Gemina).[83]

VII легиона «Близнецы» (или V II Сдвоенный легион) был соединением с недолгой, но достаточно яркой военной историей. Его набрал в подведомственной ему провинции Тарраконская (или Ближняя) Испания в 69 г. Гальба, когда решился бросить вызов Нерону.[84] С этим легионом Гальба и вступил в Рим.

Наград за это легион, похоже, не удостоился. Ведь Гальба гордился тем, что «привык набирать, а не покупать солдат».[85] Именно этим, как известно, он и «восстановил против себя все войска по всем провинциям».[86]

VII легион Гальба под командованием Марка Антония Прима отправил из столицы в далёкий Карнунт в Среднем Подунавье, в провинции Паннония.[87] Этот легат, человек амбициозный, но и рассудительный, благоразумно не вмешался в противостояние Отона и Вителлия, случившееся после гибели Гальбы. Судя по всему, в легионе и не очень – то скорбели о смерти его основателя. Когда же началась новая гражданская война, то VII легион во главе с

[80] Голдсуорти А. Во имя Рима, с. 414.

[81] Фёдорова Е. В. Императорский Рим в лицах. Ростов – на – Дону, Смоленск, 1998, с. 167.

[82] Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1986, с. 314.

[83] Голдсуорти А. Во имя Рима, с. 415.

[84] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 160.

[85] Светоний, Гальба. 16 (1).

[86] Светоний, Гальба. 16 (1).

[87] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 161.

Примом решительно встал на сторону Веспасиана.[88] В решающей битве кампании при Кремоне VII легион особо отличился. Вот как описал это Публий Корнелий Тацит в своей «Истории»: «Главную тяжесть боя, соревнуясь в храбрости, приняли на себя третий и седьмой легионы. Антоний со вспомогательными войсками устремился им на помощь. Вителлианцы не выдержали столь упорного натиска; видя, что их дроты отскакивают от панциря черепахи, они обрушили на нападающих баллисту. Машина раздавила множество солдат и на мгновенье расстроила их ряды, но, падая, увлекла за собой верхнюю площадку вала и зубцы, её прикрывавшие. Одновременно под градом камней осела стоявшая рядом башня. В образовавшуюся брешь устремились, построившись клиньями, солдаты седьмого легиона».[89]

Легион участвовал и во взятии Рима. В этих сражениях, решающих для Веспасиана, он понёс столь большие потери, что новый император в 70 г. дополнил его когортами переформированного Нероном XVIII легиона. Потому – то и стал VII легион «Сдвоенным» или же легионом «Близнецы».

В начале правления Веспасиана VII легион был возвращён в Карнунт, а в 74 г. был переведён в Испанию, где расположился лагерем на постоянной основе. Появившийся там со временем и гражданский посёлок получил нехитрое название Легион.[90] Ныне это город Леон, центр одноимённой исторической области королевства Испания.

Таким вот легионом предстояло теперь командовать Траяну. К этому времени он уже совсем не юноша, но зрелый тридцатишестилетний мужчина.

С того времени, как мы расстались с ним в Сирии, где он достойно нёс нелёгкую воинскую службу трибуна – латиклавия, в Римской империи немало изменений случилось. В 89 г. правил на Палатине уже третий Флавий – Домициан, младший сын Веспасиана. Тот самый, над чьими честолюбивыми амбициями отец не без яда подшучивал. Теперь для реализации этих амбиций Домициан имел самые широкие возможности.

Правление Флавиев после мрачных последних лет правления Нерона и ужасов гражданской войны, каковой Рим не знал аккурат сто лет после торжества Октавиана над Антонием и Клеопатрой, казалось римлянам несомненным благом. Тем более, что шестидесятилетний Веспасиан оказался совсем недурным правителем Империи. Неспособный в молодости навести элементарный порядок на римских улицах, он в старости ухит рился привести в порядок всю необъятную державу, от Британии до берегов Евфрата простиравшуюся. При нём победно завершилась война в Иудее, где сын, Тит, достойно закончил дело отца. Было подавлено в Батавии на Нижнем Рейне восстание против римлян, поднятое знатным батавом Юлием Клавдием Цивилисом в 69–70 гг. Внешняя политика велась продуманно, в новые войны Веспасиан благоразумно не ввязывался. В известной степени его принципат напоминал лучшие стороны правления Тиберия. Стремление к внешнему миру, успокоение внутри империи. Правда, налоговая политика первого Флавия разительно отличалась от завета Тиберия, «что хороший пастух стрижёт овец, но не сдирает с них шкуры».[91] Эти слова приводит Светоний. А вот, что он же писал о Веспасиане: «Единственное, в чём его упрекали справедливо, это сребролюбие. Мало того, что он взыскивал недоимки, прощенные Гальбою, наложил новые тяжёлые подати, увеличил и подчас даже удвоил дань с провинций, – он открыто занимался такими делами, каких постыдился бы и частный человек. Он скупал вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой; он без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным, без разбору; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, – говорили, что

[88] Иосиф Флавий. Иудейская война. IV, 10, 6.

[89] Тацит. История. III, 29.

[90] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 161.

[91] Светоний. Тиберий. 30–31.

он пользуется ими, как губками, сухим даёт намокнуть, а мокрое выжимает. Одни думают, что жаден он был от природы; за это бранил его старый пастух, который умолял Веспасиана, только что ставшего императором, отпустить его на волю безвозмездно, но получил отказ и воскликнул: «Лисица шерстью слиняла, да нрав не сменяла!» Другие, напротив, полагают, что к поборам и вымогательству он был вынужден крайней скудостью и государственной, и императорской казны: в этом он сам признался, когда в самом начале правления заявил, что ему нужно сорок миллиардов сестерциев, чтобы государство стало на ноги. И это кажется тем правоподобнее, что и худо нажитому он давал наилучшее применение».[92]

Думается, нельзя здесь не согласиться с автором «Жизни двенадцати Цезарей». Его мнение разделяют и историки конца XX века.[93]

Свою методику обогащения казны Веспасиан просто и ясно охарактеризовал всемирно известными ныне словами «Pecunia non olet» – «Деньги не пахнут». Результат был отменный. Казна обогатилась, Империя восстановила былую мощь. Себя и династию Веспасиан обессмертил знаменитыми постройками, начав с востановления сожжённого в ходе боёв за Рим Капитолия, храмов Юпитера и Весты, но главное, началом строительства грандиозного сооружения, навсегда ставшего символом Рима. Это, разумеется, амфитеатр Флавиев, известный во всём мире под названием Колизей.

Благодарность потомков Веспасиан заслужил, упразднив процессы по оскорблению величия римского народа. Закон этот в имперское время, как известно, быстро выродился на деле в закон об оскорблении величества принцепса.

Трибун – латиклавий Траян не мог не знать об этой стороне правления Веспасиана. Не исключено, что, возглавив Империю, он учёл и такой опыт первого из Флавиев.

Тем не менее, гонимые в правление Веспасиана были. Таковыми оказались философы, принадлежавшие к школам киников и стоиков. Известно, что поначалу Веспасиан к вольностям философов, по определению не жаловавших верховную власть независимо от персоны, её возглавляющей, относился спокойно и даже с юмором. Но в 74 г. философы из Рима были изгнаны. Инициатива изгнания, впрочем, принадлежала Лицинию Муциану: «Поскольку многие, и в том числе и киник Деметрий, находясь под влиянием так называемого стоического учения, публично высказывали под видом философии немало таких мыслей, которые были неподходящими в тогдашней обстановке, исподволь развращая умы некоторых людей, то Муциан убедил Веспасиана изгнать всех подобных лиц из Рима, выдвинув против них множество обвинений, причём побудительным мотивом для него служил скорее гнев, чем какие – то научные пристрастия».[94]

Мнение человека, сыгравшего выдающуюся роль в войне Веспасиана против Вителлия, император не мог не учесть. Потому, согласно сообщению Диона Кассия, все философы из Рима были высланы. Исключение сдалали только для Гая Музония Руфа, славного наставника таких выдающихся мыслителей, как Дион Хрисостом, Авл Геллий, Эпиктет. Со временем, однако, и он оказался в ссылке, откуда его возвратил после смерти Веспасиана Тит. Для Музония это оказалась вторая ссылка, ибо впервые его из Рима на остров в Эгейском море выслал ещё Нерон.[95] Тогда он был как – то причастен к заговору Пизона, теперь же пострадал не как политический оппозиционер, а именно как философ.

Надо сказать, что высылка философов при Веспасиане стала совершенно новым явлением в римской жизни. До сих пор коллективных наказаний свободномыслящих людей Империя не знала. Да, отдельные интеллектуалы страдали при всех императорах, исключая только

---

[92] Светоний. Божественный Веспасиан. 16.

[93] Крист Карл. История времён римских императоров. Т. 1, с. 342; Фёдорова Е. В. Императорский Рим в лицах, с. 159.

[94] Дион Кассий. Римская история. LXV, 13 (1).

[95] Тацит. Анналы. XV. 71. 4.

великодушного первого Цезаря. Овидий был сослан Августом в Томы, но причины его наказания до сих пор до конца не ясны. Правда, ритор Тит Лабиен покончил жизнь самоубийством после того, как сенат предал огню его сочинения за их обличительность в адрес власти. Другой ритор Кассий Север за какие – то «бесстыдные писания», также сожжённые по решению сената, угодил в ссылку на Крит. Тиберий, в первое десятилетие своего правления не раз говоривший о недопустимости преследования свободомыслия, в 25 г. организовал процесс историка Кремуция Корда за восхваление республиканцев, убийц Гая Юлия Цезаря Марка Юния Брута и Гая Кассия Лонгина. Гай Цезарь Калигула бранил Вергилия за отсутствие таланта и учёности, объявлял Тита Ливия многословным и недостоверным историком, терпеть не мог сочинений своего современника Луция Аннея Сенеки, брезгливо именуя их «школярством чистой воды» и «песком без извести».[96] Но, щедрый на расправы, никого из интеллектуалов за свободу мысли он не покарал. Гибель Лукана, Сенеки и Петрония при Нероне решительно не связана с их творчеством и свободой мысли. Лукан и Сенека были причастны к заговору Пизона, Петроний стал жертвой клеветы Тигеллина. Таким образом, именно чуждому, казалось бы, политических репрессий Веспасиану принадлежит сомнительная слава первого владыки Рима, преследующего римских философов и карающего как раз за образ мыслей киников и стоиков.

Впрочем, чрезмерно суровым наказание Веспасиана полагать нельзя. К примеру, Гостилиан пусть и уехал в ссылку без промедления, на прощанье изругал единовластие, как только мог, на что эта самая власть реагировать просто не пожелала. А вот философ Деметрий отказался повиноваться указу о ссылке, за что удостоился следующих слов Веспасиана: «Ты всё делаешь для того, чтобы я тебя казнил, но я не убиваю лающих собак».[97] Светоний сообщает об обстоятельствах встречи Деметрия с Веспасианом: «Ссыльный киник Деметрий, повстречав его в дороге, не пожелал ни встать перед ним, ни поздороваться, и даже стал на него лаяться, но император только обозвал его псом».[98]

Взаимоотношения Веспасиана и философов не раз привлекали к себе внимание историков.[99] Иные из них не находили в этом повода для упрёка первому из Флавиев на Палатине.[100]

Веспасиану пришлось столкнуться и с заговорами. Правда, они оказались своевременно изобличены, и правление его прошло, в целом, благополучно. Сам он не испытывал сомнений в конечном успехе своих начинаний. По словам Светония, «всем известно, как твёрдо он верил всегда, что родился и родил сыновей под счастливой звездой; несмотря на не прекращавшиеся заговоры, он смело заявлял сенату, что наследовать ему будут или сыновья, или никто».[101]

Так и случилось. Наследовал Веспасиану сын его Тит. Тот самый Тит, столь отличившийся в Иудейской войне и сокрушивший твердыни Иерусалима. Мы помним, как успешно взаимодействовали на начальном этапе этой войны Тит и Марк Ульпий Траян – отец. Несомненно, новый император должен был быть расположен к Траянам, но извлечь какую – либо выгоду из этого не удалось из – за кратковременности правления второго Флавия. Лишь два года, два месяца и двадцать дней стоял он во главе Империи.[102] И правление это более всего запомнилось римлянам грандиозными бедствиями, предотвратить кои было не в человеческих возможностях, пусть даже императорских. Это, прежде всего, извержение Везувия, трёхдневный пожар в Риме, наконец, жестокая эпидемия, унесшая множество жизней. К чести Тита,

---

[96] Светоний. Калигула. 53. 1.

[97] Дион Кассий. Римская история. LXV, 13 (2).

[98] Светоний. Божественный Веспасиан. 13.

[99] Toinbee J. M. C. Dictator and Philosophers in the First Century A. D. – Greece and Rome, 1944, Vol. 13, № 38/39, pp. 43–58; Harris B. F. Stoic and Cynic under Vespasian. – Prudentia, 1977, Vol. 9, pp. 105–114.

[100] Крист Карл. История времён римских императоров. Т. 1, с. 343.

[101] Светоний. Божественный Веспасиан. 25.

[102] Светоний. Божественный Тит. 11.

он сделал всё, что было в его власти, дабы смягчить для римлян последствия этих бедствий. Но его самого унесла ранняя смерть.

Правление третьего Флавия – Домициана – в жизни нашего героя сыграло особую роль. Именно в эти годы его карьера идёт в гору, и он становится из одного из легатов, командующих легионами, одним из ведущих полководцев Империи. Что, собственно, и обеспечивает ему в дальнейшем наивысший взлёт. Здесь наиважнейшим стало стремление Домициана возобновить военную активность Рима, со времени победного завоевания Иудейской войны в основном приостановленную. Да, военные действия продолжались в Британии, где римляне под командованием тестя Публия Корнелия Тацита Гнея Юлия Агриколы углубились на север острова, достигнув земель Каледонии, современной Шотландии. В то же время войн с наиболее сильными соседями Империи, где требовалось серьёзное напряжение сил, не велось.

Первая война Домициана началась в 83 г. нападением на германское племя хаттов. Великие римские историки, словно сговорившись, дали совершенно нелестную характеристику этой кампании очередного Флавия. Светоний написал, что поход против хаттов Домициан предпринял вовсе не по военной необходимости, но «по собственному желанию».[103] Тацит язвительно подвёл итого войны римлян с этим хорошо известным ему германским племенем: «Мы не столько победили их, сколько справили над ними триумф».[104] В описании указанного триумфа он «sine ira et studio» (без гнева и пристрастия) привёл совершенно анекдотические подробности: якобы в этом триумфе за захваченных пленных хаттов были выданы купленные рабы, что «вызвало бесчисленные насмешки».[105] Столь же пренебрежительным образом описал поход Домициана на хаттов и Дион Кассий: «Затем он предпринял поход в Германию, но возвратился назад, даже краем глаза не взглянув нигде на военные действия».[106]

В то же время Секст Юлий Фронтин, бывший, что немаловажно, непосредственным участником этого похода Домициана, дал ему совершенно иную оценку. Прежде всего, Фронтин сообщает о военной хитрости молодого императора, поскольку, отправляясь из Рима на войну, он «выставил в качестве цели своей поездки производство переписи в Галлии».[107] Этим он, несомненно, усыпил бдительность германцев. Начало войны стало для хаттов внезапным, и, благодаря этому, Домициан «подавил дикие и необузданные племена».[108] Римские владения были расширены и укреплены. И в их состав вошли германские земли (части современных Баварии и Шварцвальда), в дальнейшем именовавшиеся Декуманскими полями. Для их защиты Домициан распорядился построить линию крепостей – лимес – вдоль новой границы.[109]

Нельзя не отметить, что многие историки отнюдь не разделяют уничижительных характеристик римских авторов в отношении хаттской экспедиции Домициана и её результатов.[110] Есть мнение, и достаточно обоснованное, что именно с этой войны римская стратегия в Германии приобретает новый характер, главными чертами которого становятся обустройство границ и прикрытие наиболее уязвимых их мест «буферными» племенными образованиями.[111]

---

[103] Светоний. Домициан. 6 (1).

[104] Тацит. О происхождении германцев и местонахождении Германии. 37.

[105] Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы. 39.

[106] Дион Кассий. Римская история. LXXII, 3 (5).

[107] Фронтин. Стратагемы. I, I, 8.

[108] Фронтин. Стратагемы. I, III, 10.

[109] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 392.

[110] Парфёнов В. Н. Рим и Германия при Домициане. Проблемы и поиск их решения. – Восток, Европа, Америка в древности. Труды исторического факультета МГУ 49. Серия II Исторические исследования 18. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. М., 2010, с. 240–245.

[111] Парфёнов В. Н. Рим и Германия при Домициане. Проблемы и поиск их решения. – Восток, Европа, Америка в древности. Труды исторического факультета МГУ 49. Серия II Исторические исследования 18. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. М., 2010, с. 246.

Что до заметной необъективности авторов – современников событий, то здесь нельзя не помнить о весьма пристрастном отношении Тацита к заслугам своего тестя, каковые он ставил чрезвычайно высоко, обвиняя Домициана в недостаточной их оценке. Да, Агрикола многого добился в Каледонии, одержал блестящую победу над британскими варварами при горе Гравпий в 84 г. Но германская граница, с точки зрения интересов обороны, укрепления и возможного при случае расширения, значила для Империи много более. Потому приостановка наступления на севере Британии и переброска части войск на Рейн были не капризом Домициана, якобы позавидовавшего Агриколе, по утверждению Тацита, но разумным военно – политическим решением.[112]

Марк Ульпий Траян во время войны Домициана с хатами был вдалеке от театра военных действий. Но спустя несколько лет обстоятельства привели его на берега Рейна. В 89 г. в Верхней Германии вспыхнул мятеж против власти Домициана. Его возглавил Луций Антоний Сатурнин, стоявший во главе провинции и командовавший четырьмя расквартированными в ней легионами. Сила, что и говорить, грозная! Казалось, возвращаются события конца правления Нерона, и Риму грозит новая гражданская война. Тем более, что Сатурнин пытался опереться и на поддержку зарейнских германских племён, заплатив им за таковую.

Домициан, что естественно, самым серьёзным образом отнёсся к известию о возмущении Сатурнина. Немедленно он стал собирать верные ему войска для подавления мятежа. Именно тогда Марк Ульпий Траян, командующий VII легионом «Близнецы», получил приказ оставить Испанию и двинуться на берега Верхнего Рейна для участия в сокрушении бунтовщиков.

Судя по всему, Траян незамедлительно выполнил приказ императора. Легион его двинулся на германские рубежи быстрым маршем. Однако, к счастью для Домициана, события на Рейне приняли неожиданно благоприятный для сохранения его власти характер. Прежде всего, Лаппий Максим, наместник провинции Нижняя Германия, также располагавший четырьмя легионами, сохранил абсолютную верность законному принцепсу и решительно перевёл вверенные ему войска вверх по Рейну навстречу мятежникам. Более того, сама природа встала на сторону Домициана. Внезапно на Рейне начался ледоход, помешавший германским союзникам Сатурнина перейти реку.[113] Природное явление это, лишившее мятежников поддержки извне, похоже, так смутило дух всего воинства Сатурнина, что славный Авл Буций Лаппий Максим без особого труда бунт усмирил, незамедлительно при этом предав казни самого предводителя.

Действия наместника Нижней Германии по пресечению мятежа Антония Сатурнина весьма примечательно оценил Дион Кассий: «Впрочем, за эту победу он не заслуживает особой хвалы, ибо и многие другие одерживали неожиданные победы, а в его успехе ему содействовали воины, но я даже не знаю, как можно было бы достаточно прославить его за то, что он сжёг все бумаги, найденные в шкатулках Ан тони я, пренебрегши собственной безопасностью ради того, чтобы никто из – за них не был опорочен».[114]

Благородное стремление Лаппия Максима уберечь ряд соучастников заговора и мятежа Антония Сатурнина от расправы, кстати, по всем статьям возможно и заслуженной, цели своей не достигло. Как далее пишет Дион Кассий: «Однако Домициан, воспользовавшись этим как предлогом, и без бумаг учинил ряд убийств, и невозможно сказать, скольких людей он уничтожил».[115]

Голову мятежного наместника доставили в Рим и выставили на Гемониях на Капитолийском холме. Вообще, мятеж был подавлен с замечательной быстротой.[116] Это заставляет

---

[112] Крист Карл. История времён римских императоров. Т. 1, с. 343.

[113] Светоний. Домициан. 6 (2).

[114] Дион Кассий. Римская история. LXVII, 11 (1–2).

[115] Дион Кассий. Римская история. LXVII, 11 (1–2).

[116] Дион Кассий. Римская история. LXVII, 11 (1–2).

вспомнить известное сообщение Веллея Патеркула об укрощении мятежей Юлия Сакровира в Галлии и Юлия Флора в земле треверов в правление Тиберия в 21 г.: «Какую тяжёлую войну в Галлиях, развязанную их первым человеком Сакровиром и Юлием Флором, он подавил с такой удивительной быстротой и доблестью, что римский народ раньше узнал о победе, чем о войне: вестник победы прибыл раньше, чем вестники опасности!»[117]

Траян, хотя и двигался быстрым маршем, к подавлению возмущения опоздал. Домициан, тем не менее, высоко оценил его преданность, убедительно выраженную в должной быстроте и решительности действий легата VII легиона. Траян со своим легионом по приказу императора остался на Верхнем Рейне, где и предпринял успешную экспедицию против хаттов. Их дóлжно было наказать за союз с Антонием Сатурнином, пусть таковой и не причинил вреда Империи, будучи сорван ранним ледоходом.

Действия Траяна, похоже, были высоко оценены Домицианом. Свидетельством этого можно полагать его вступление в должность консула в 91 году.[118] Коллегой по консульству Марка Ульпия стал Ацилий Глабрион. В ближайшие годы судьбы коллег решительным образом разошлись. Ацилий Глабрион оказался впоследствии в ссылке, а затем, будучи обвинён в подготовке мятежа, вместе с ещё несколькими консулярами казнён.[119] Траян же, честно и достойно несший военную службу, чуждый политическим интригам, всё укреплял и укреплял своё положение в Империи. Спустя пять лет после консульства он уже наместник Верхней Германии. Судя по всему, и как командующий легионами, и как наместник столь непростой пограничной провинции Траян создал себе отменную репутацию. Он немало потрудился над обороной рубежей Империи. У места впадения реки Нидды в Майн на земле германского племени аламанов Траян воздвиг укрепление, простоявшее не один век. Известно, что в 355 г. его восстановил Цезарь Юлиан в правление императора Констанция II.[120] Известно также, что Таяну довелось сражаться и на Дунае со свебами. В Паннонии несколько свебских племён были им разбиты.[121]

На тех рубежах Империи, где действовал Траян, положение было благополучным. Римляне уверенно отстаивали старые и вновь приобретённые после войны с хатами границы, отбивали попытки вторжения варварских племён. Безусловно, это всё и далее ук реп ляло высокую репутацию самого наместника Верхней Германии, превращая его в фигуру имперского масштаба. В то же время последовательная верность правящему принцепсу, продемонстрированная в дни мятежа Антония Сатурнина, очевидное неприятие каких – либо политических интриг укрепляли его авторитет как человека, и политически безупречного. Подобные люди в римской элите того времени – явление отнюдь не частое. Важно и следующее: правление Домициана выглядело достаточно прочным, и из провинциальной дали, каковой была Верхняя Германия, усомниться в этом было мудрено. Потому сложно предположить, что вступивший в пятый десяток лет Марк Ульпий Траян мог иметь честолюбивые устремления, на Палатинский холм «Вечного города» обращённые. Он просто честно, умело и достойно исполнял свой воинский и наместнический долг. Тем выше цена его безупречно завоёванной репутации.

На других границах Империи ситуация складывалась по – разному. На дальнем западе, в Британии, Юлий Агрикола достиг гор Каледонии. На востоке воины XII Молниеносного легиона дошли до побережья Каспийского моря. Близ современного Баку у подножья горы Беюк – Даш в Кобыстане в скале была высечена надпись, засвидетельствовавшая, кто именно из римлян и в чьё правление достиг сих столь удалённых от основной территории Империи мест: «В

[117] Веллей Патеркул. Римская история. CXXIX, 3.

[118] Дион Кассий Римская история. LXVII, 12 (1).

[119] Светоний. Домициан. 10 (2).

[120] Аммиан Марцеллин. Римская история. XVII, 1, 11.

[121] Голдсуорти А. Во имя Рима, с. 415.

правление императора Домициана Цезаря Августа Германского Луций Юлий Максим, центурион XII Молниеносного легиона».[122] Это самая восточная из известных науке латинская надпись.[123]

XII легион – Legio XII Fulminata – был основан Гаем Юлием Цезарем в 58 г. до Р.Х. ещё в начале его знаменитой Галльской войны. Начав свой воинский путь в Галлии, этот легион при Августе оказался в Египте, затем в Сирии. Далее XII Молниеносный ждали обидные для него страницы истории. При Нероне он сначала принял участие в бесславной кампании в Армении, завершившейся поражением при Рандее Цезения Пета в 62 г. А в 66 г. именно этот легион, отступая во время Иудейской войны от Цезареи, лишился своего орла. В дальнейшем, правда, в ходе той же Иудейской войны при осаде Иерусалима XII легион восстановил свою былую славу.[124] Достижение воинами Молниеносного берегов Каспия при Домициане также славная страница его боевого пути.

Столь же неоднозначна, как и боевой путь XII легиона, была военная картина на Дунайской границе Империи. Здесь при Домициане Рим впервые самым серьёзным образом столкнулся с миром северофракийских племён, населявших обширные земли к северу от Дуная между Днестром и Тиссой, – территория, в основном, современных Румынии и Молдавии. Восточная группа этих племён на землях между Карпатами и Днестром известна в истории под именем гетов, западная же, наиболее плотно заселявшая современные исторические области Румынии Трансильванию, Банат и Олтению, именовалась даками. Античная цивилизация сталкивалась с северофракийским миром ко времени правления Домициана уже несколько столетий. Столкновения эти носили непростой характер. Временами для античных государств даже весьма обидный. В связи с этим представляется небесполезным дать краткий исторический обзор взаимоотношений античного и гето – дакийского миров в эпоху, предшествовавшую их столкновению при Домициане и окончательной развязке этого противостояния, когда во главе Империи стал наш герой.

Первое крупное столкновение гетов с военной мощью античного мира произошло в 335 г. до Р.Х., когда молодой царь Македонии Александр III в первом своём военном походе, усмирив племена южно – фракийские, достиг Дуная. Здесь на северном берегу этой великой реки его ждали геты, уверенные в том, что македоняне не сумеют быстро переправиться, и им представится возможность атаковать их отряды при переправе, уничтожая их по отдельности.[125] Бедным гетам невдомёк было, как, впрочем, и всем остальным народам того времени, что столкнулись они с величайшим полководцем всех времён и народов. За одну ночь, используя надувные мешки, челны, долблёнки, он переправился на северный берег Дуная, где нанёс гетам сокрушительный удар. Опыт Александра в сходной ситуации на берегах Рейна и Темзы использовал почти три века спустя Юлий Цезарь.[126]

Победа над гетами обеспечила Александру безопасную Дунайскую границу в преддверии его великого похода на Восток.

Геты, однако, не были повержены и, спустя всего лишь четыре года, победоносно реваншировались. Не у самого Александра, разумеется, который в это время вступил с царём Дарием в решающую схватку за владычество в Азии, но у македонского полководца Зопириона, неразумно отважившегося на задунайский поход. Сведения об этом сохранили Курций Руф и Юстин. У этих авторов, правда, есть противоречие в наименовании народа, погубившего тридцатитысячное войско Зопириона. Если Юстин сообщает, что назначенный Александром стра-

[122] Фёдорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969, с. 277–278.

[123] Фёдорова Е. В. Императорский Рим в лицах, с. 164.

[124] Стивен Дандо – Коллинз. Легионы Рима, с. 182.

[125] Дройзен Иоганн. История эллинизма. Т. 1, Ростов – на – Дону, 1995, с. 102–103.

[126] Шахермайер Ф. Александр Македонский. М., 1999, с. 94.

тег Понта Эвксинского Зопирион погиб в походе на скифов, то Курций Руф пишет о гибели Зопириона в войне против гетов.[127] Думается, противоречие это легко примиряется, поскольку геты на Днестре и Дунае являлись соседями скифов, и их объединение против вторгшихся с юга македонян было естественным.

В первые десятилетия III в. до Р.Х. геты сумели создать мощный племенной союз раннегосударственного типа во главе с царём Дромихетом. Ему уже пришлось противостоять одному из виднейших соратников Александра Великого диадоху Лисимаху, ставшему правителем, а затем и царём Фракии на землях от Эгейского и Мраморного морей до Дуная. В 295 г. до Р.Х. сын Лисимаха Агафокл совершил поход на гетов, закончившийся полной неудачей, а в 291 г. до Р.Х. сам Лисимах, решительно двинувшийся против Дромихета в степи к северу от Нижнего Дуная, не просто потерпел неудачу, но и угодил к гетам в плен. К чести Дромихета, он обошёлся с пленным диадохом с исключительным великодушием, мирно отпустив его во Фракию.

Десять лет спустя, однако, и гетское царство Дромихета, и Фракийское царство Лисимаха стали жертвами нашествия кельтов – галатов. «Цветущее гетское царство Дромихета, простиравшееся к северу от Дуная, исчезло».[128] Сам Дромихет бежал во владения Селевкидов и ещё двадцать лет спустя находился при их царском дворе.[129]

Лишь два века спустя мы вновь встречаемся с племенными союзами и раннегосударственными образованиями северофракийских племён. На сей раз на первый план выходят не геты, а даки. История этой группы племён до их столкновения с римской цивилизацией, к сожалению, являет для нас почти сплошное белое пятно. Такое её состояние отмечает крупнейший отечественный специалист по миру племён на Дунае в римскую эпоху Ю. К. Колосовская: «Жизнь даков доримского времени остаётся, к сожалению, почти неизвестной».[130] Выход даков на историческую арену и встречу их с миром античности описал Страбон. Согласно его сведениям, которые до сих пор никто сомнению не подвергал, народы, обитавшие к северу от нижнего течения Дуная, в Карпатах и Приднестровье, издревле делились на гетов и даков.[131] При этом они говорили на одном языке.[132]

Объединительной силой гето – дакийского мира племён выступили даки, которых возглавил в 60–40 гг. до Р.Х. их вождь Буребиста (Биребиста). Если когда – то кельты разрушили царство гетов Дромихета, то теперь даки Буребисты в союзе с германцами – маркоманами разрушили кельтское объединение бойев на Верхнем Дунае. В результате под властью Буребисты оказалась обширная территория, доходившая на западе до среднего течения Дуная и района современного Будапешта.[133] На востоке геты и даки дошли до Ольвии на Южном Буге и жестоко разорили её. На юге войска Буребисты доходили до гор Гема (Балканского хребта).[134] Действительно ли Буребиста располагал двухсоттысячной армией, о чём сообщает Страбон,[135] сказать сложно. Но такой размах походов говорит о многом. Они были по силам только немалому войску, десятки тысяч бойцов насчитывающему. Центр царства Буребисты располагался в Арцидаве (совр. Вередия в Банате в Румынии).[136] Страбон сообщает нам и о религиозных представлениях гето – даков. Высоко в Карпатских горах находилось святилище божества по

[127] Дройзен Иоганн. История эллинизма. Т. 1, с. 296.
[128] Дройзен Иоганн. История эллинизма. Т. 3, с. 66–67.
[129] Дройзен Иоганн. История эллинизма. Т. 3, с. 67.
[130] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае. М., 2000, с. 54.
[131] Страбон. География. VII, 3, 12.
[132] Страбон. География. VII, 3, 13.
[133] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 57.
[134] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 57.
[135] Страбон. География. VII, 3, 11.
[136] Птолемей. География. III, 8, 4, 1.

имени Залмоксиса (Салмоксиса).[137] Сведения Страбона выходят к известиям о религии северных фракийцев ещё Геродота, писавшего о верованиях гетов времён Персидских войн на Балканах и в Нижнем Подунавье: «Что касается веры гетов в бессмертие, то она состоит вот в чём. По их мнению, они не умирают, но покойник отходит к богу Салмоксису (иные зовут его также Гебелейзисом). Каждые пять лет геты посылают к Салмоксису вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу всё, в чём они нуждаются в данное время. Посылают же вестника они так. Выстроившись в ряд, одни держат наготове три метательных копья, другие же хватают вестника к Салмоксису за руки и за ноги и затем подбрасывают в воздух, так что он падает на копья. Если он умирает, пронзённый копьями, то это считается знаком божьей милости, если же нет, то обвиняют самого вестника. Его объявляют злодеем, а к богу отправляют затем другого человека».[138] И Геродот, и Страбон сообщают, что Салмоксис, бывший раб, был учеником Пифагора.[139] Согласно Страбону, он провёл некоторое время в Египте.[140] Такая прямая связь варварского божества с античными реалиями – бог был изначально простым человеком, рабом, затем учеником великого Пифагора – совсем не удивительна. Греки всегда старались тем или иным образом вписать соседние народы в свою мифологию, историю, культуру. Как тут не вспомнить скифов, ставших порожденьем Геракла и Эхидны, скифа же Бианта, вошедшего в число семи величайших эллинских мудрецов. Божеством южных, балканских фракийцев греки полагали Диониса. Наконец, римляне с гордостью даже обрели троянских предков.

Получается, геты и даки не только говорили на одном языке, но и поклонялись одному и тому же богу Салмоксису на протяжении многих веков. Культ этого языческого божества обслуживали жрецы, главный из которых при Буребисте занимал самое высокое положение. Вот что пишет Страбон о помощнике Буребисты Деценее: «В качестве помощника в обеспечении полного подчинения ему его племени у него был Деценей, мудрец, человек, который не только странствовал по Египту, но также досконально изучил некоторые знаменья, благодаря чему претендовал на знание воли богов. И в течение короткого времени он был возведён в ранг бога».[141]

И в принятии живым человеком божеского ранга можно увидеть эллинские черты. Вспомним Лисандра, которому «первому среди греков… стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу, и он был первым, в честь кого стали петь пэаны».[142]

Что ж, получается, Буребиста прекрасно понимал, что «политическая власть значительно укрепляется с помощью религии и при поддержке духовенства».[143]

Держава Буребисты стала незаурядным явлением в Карпато – Балканском регионе близ границ римских владений. Естественно, что она привлекла и привлекает внимание многих историков.[144] Современники же, особенно соседи грозного правителя, относились к нему с превеликим почтением. Об этом прямо свидетельствует надпись 48 г. до Р.Х. в городе Дионисополе в честь некоего Акорниона, возглавившего городское посольство в Арцидаву к Буре-

---

[137] Страбон. География. VII, 3, 11.

[138] Геродот. История. IV, 94.

[139] Геродот. История. IV, 95; Страбон. География. VII, 3, 11.

[140] Страбон. География. VII, 3, 5.

[141] Страбон. География. VII, 3, 11.

[142] Плутарх. Лисандр. XVIII.

[143] Терри Джонс, Алан Эрейра. Варвары против Рима. М., 2010, с. 130.

[144] Златковская Т. Д. Племенной союз гетов под руководством Буребисты. – Вестник древней истории, – 1952, № 2, с. 73–92; Фёдоров Г. Б., Полевой Л. Л. «Царства» Биребисты и Децебала: союзы племён или государства. – Вопросы истории, 1984, № 7, с. 59–80; Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 53–72; Терри Джонс, Алан Эрейра. Варвары против Рима, с. 124–143; Daicoviciu C. Dacia de la Burebista la cucerirea Romana. Cluj, 1972; Crisan J. H. Burebista and His Time. Bucureşti, 1978.

бисте. В ней сказано: «Буребиста стал величайшим из фракийских царей, захвативших всю страну по ту и по сю сторону реки Дунай».[145]

Восхищение жителей Дионисополя фракийским царём было искренним: он пощадил их город. А вот ольвиополиты – те ни за что не стали бы славить Буребисту, безжалостно их город разорившего.

Буребиста попытался вмешаться и в римские дела. Он предложил союз Гнею Помпею Великому после его успеха в сражении с Цезарем при Диррахии. Проку, в прочем, от этого союза не было ни Помпею, ни Буребисте. Помпей был разгромлен при Фарсале, Буребиста же попал к Цезарю на заметку. Есть ряд свидетельств античных авторов, что победоносный диктатор Рима планировал до похода на парфян провести кампанию против гетов. Веллей Патеркул сообщает, что Цезарь вознамерился сделать Октавия, будущего Августа, своим соратником, замыслив войну с гетами и парфянами.[146] Светоний писал о намерении Цезаря «усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев, а затем пойти войной на парфян через Малую Армению».[147] Но, как известно, кинжалы заговорщиков, воображавших, что убийством Цезаря они спасут агонизирующую республику, помешали грандиозным замыслам гениального Юлия. Да и судьба Буребисты оказалась схожей. Его сильная власть, похоже, устраивала далеко не всех гето – дакийских вождей. Во вспыхнувшей в конце 40 – ых гг. до Р.Х. смуте он погиб, и его держава, как часто бывало в истории в подобных случаях, развалилась.

Тем не менее, даки остались достаточно неспокойным соседом для римских владений. Более того, после завоевания Паннонии Тиберием Клавдием Нероном в 12 – 9 гг. до Р.Х. и ещё ранее – в 15 г. до Р.Х. – Реции, Винделика и Норика, где он действовал вместе со своим братом Друзом Старшим, а также созданием к югу от Нижнего Дуная новой римской провинции Мёзия, границы Империи шли по Дунаю от его истоков до устья. Значит, Рим и Дакийские племена стали теперь непосредственными соседями. Дунай – вовсе не непреодолимая преграда, что и доказали римлянам набеги на их владения дакского вождя Котизона, предпринятые им в 29–28 гг. до Р.Х. через замёрзшее русло Дуная. Август, похоже, хотел найти способ мирного сосуществования с воинственным соседом. По сообщению Светония, дочь правителя Рима Юлия была обручена «с гетским царём Котизоном, и тогда же сам Октавий за это просил себе в жёны царскую дочь».[148] Последнее сообщение представляется весьма странным, поскольку общеизвестно, сколь прочен был союз Октавиана – Августа с Ливией, матерью Тиберия. Впрочем, другое сообщение автора «Жизни двенадцати цезарей» говорит о том, что Август «положил конец набегам дакийцев, перебив трёх вождей их с огромным войском».[149] Победы эти над даками, очевидно, связаны с походами Гая Корнелия Лентула, Секста Элия Ката и Марка Виниция.[150]

Взаимоотношения Рима и дакийцев в I веке носят постоянный характер. Правда, при преемниках Августа и первых Флавиях они, судя по всему, не были особо активными и не приобретали сколь – либо острых форм. Из сообщения Иордана о некоем союзе гетов (даков) с римскими принцепсами, правившими до Домициана,[151] Ю. К. Колосовская делает вывод, что Рим поддерживал отношения с даками, выплачивая им денежные субсидии.[152] Вывод этот представляется достаточно обоснованным, поскольку это была обычная римская практика. Субсидии не были слишком разорительны, во – первых, а во – вторых, они позволяли привлекать одари-

[145] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 57.

[146] Веллей Патеркул. Римская история. II, LIX, 4.

[147] Светоний. Божественный Юлий. 44 (3).

[148] Светоний. Божественный Август. 20.

[149] Светоний. Божественный Август. 63.

[150] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 58.

[151] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. XIII, 76.

[152] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 67.

ваемые ими племена в качестве союзников, а также предотвращали, в основном, возможные набеги с их стороны.

В то же время римляне предприняли ряд мер, позволивших им укрепить своё положение на Среднем и Нижнем Дунае. Стоит вспомнить Мёзийскую и Паннонскую флотилии Веспасиана, обеспечившие римлянам контроль над обоими берегами Дуная. Получила распространение практика взятия заложников из знати задунайских племён. Здесь особо отличился наместник Паннонии Тампий Флавиан.[153]

Домициан, надо понимать, с целью экономии имперских финансов, субсидии дакам сократил. Экономия эта могла бы быть похвальной в случае неспособности даков, даже обиженых ею, Риму за это отомстить. Увы, Дакия к тому времени вновь являла собою царство, к войне очень даже способное. Под властью царя Диурпанея находились земли современных исторических областей Трансильвании, Баната и Олтении. Конечно, Дакия Диурпанея по территории сильно уступала гето – дакийскому объединению Буребисты, простиравшемуся от Среднего Дуная до низовий Южного Буга и от Западных Карпат (Бескидов) до Балканского хребта (Гема). Зато это царство было, пожалуй, более прочным, чем раннегосударственное образование. Дакия была замечательно богата золотыми и серебряными рудниками, железом. Там были обильные земледельческие угодья, в предгорьях и горных областях Карпат и внутри карпатского плато процветало пастушеское хозяйство. Имелись многочисленные города, правда, без укреплений, но в центре их находились небольшие, но крепко построенные и хорошо оснащённые цитадели. На скалах в Карпатах высились замки дакийской знати. С учётом исторической привычки северных фракийцев к военному делу царство Дакия было крепким орешком для любого внешнего противника. Даже для Римской империи.

Известно, что обиженые скупостью Домициана даки отказали Риму в помощи в его войне против германо – иранского союза племён: маркоманов, квадов и сарматов.[154] В дальнейшем дела пошли много хуже. Полчища даков ринулись к югу, во владения римлян.

К этому времени престарелый Диурпаней уступил власть своему молодому и очень энергичному племяннику Децебалу. Новый царь немедленно начал войну против Рима, возглавив вторжение за Дунай в провинцию Мёзия. Римляне оказались застигнутыми врасплох. Наместник Мёзии консуляр Оппий Сабин вышел на бой с вторгшимися варварами во главе V Македонского легиона, но потерпел жестокое поражение и сам погиб в бою. V Македонский легион в беспорядке отступил и понёс огромные потери. Децебал, разграбив провинцию и захватив тысячи пленных, никем не преследуемый, ушёл за Дунай. Таково было первое знакомство римлян с фракийским царём, довести которое до логического в таком противостоянии конца предстояло уже нашему герою.

Римляне теперь не могли не оценить опасные качества нового соседа. О таковых спустя столетие так написал Дион Кассий: «В это время у римлян началась и исключительно серьёзная война с даками, которыми правил Децебал, человек, обладавший в военном деле и познаниями незаурядными, и опытом изрядным, способный и напасть в самый удобный момент, и вовремя отступить, знаток засад и мастер открытого боя, умевший и победой воспользоваться разумно, и не терять голову при поражении… Вот почему он долго был достойным противником римлян».[155]

---

[153] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 67.

[154] Колосовская Ю. К. Рим и мир племён на Дунае, с. 67.

[155] Дион Кассий Римская история. LXVII, 6 (1).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.